

*Светлой памяти родителей —
Ивана и Надежды.
Автор*

Анатолий Можаровский

Звёздный ветер

Анатолий Можаровский

Звёздный ветер

Київ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

Звездный ветер. *Поэзии*. — К.: ВПЦ «Київський університет»,
М75 2013. — 256 с.

ISBN

В поэзии Анатолия Можаровского гротеск, фарс, библейские реминисценции — метко подобранный инструментарий, с помощью которого показан безысходный мир тотальной фальши, падения, мир, где торжествует тупость и серость.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN

© Можаровский А.И., 2013.
© Малюк М.М. предисловие, 2013.
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2013.

ПОСТИЧЬ ЧЕЛОВЕКА...

Случайно услышал по радио результаты социологического опроса. Оказывается, 91% украинцев серьезно задумывались о выезде из страны. Какой еще приговор нужен нынешней власти, которая, очевидно, если учесть ораву чиновников всех уровней, и составляет те остальные 9%, никогда не ставивших вопрос об эмиграции?! Вот уж дореформировались и допобеждались над руиной и “попередниками”! Вот уж достали! Все трудоспособное население страны готово свалить куда подальше, лишь бы не видеть тупых и наглых рож нынешних “хозяев жизни”, не слышать лживых обещаний правящих и оппозиционных партий, десятилетиями одинаково преуспевающих в грабеже страны и ближнего!

Кричать: когда же они, в конце концов, нажрут? — не стоит. Вопрос чисто риторический, да и ответ на него получен давно: “Теперь только малая часть, часть людей, имеющая власть, пользуется благами цивилизации, а большая лишена этих благ. Увеличить блага, и тогда всем достанет. Но дело в том, что люди, имеющие власть, уже давно пользуются не тем, что им нужно, а тем, что им не нужно, всем, чем могут. И потому как бы не увеличились блага, те, которые стоят наверху, употребляют их все для себя. Употребить нужного нельзя больше известного количества, но для роскоши нет пределов”. (Лев Толстой. Дневники. //Собрание сочинений в 22-х томах. — Т.21. — С.434).

Возможно, лет эдак через пятьдесят-сто, будущие историки, стараясь разобраться, что же на самом деле происходило в современной нам Украине, найдут ответы в книгах Анатолия Мажаровского. Ведь именно ему, единственному на сегодня литератору, удалось воссоздать художественно достоверный портрет нашего многоликого, стремительно меняющегося времени; воссоздать в мельчайших деталях, оттенках и перепадах общественных настроений и личных переживаний отдельных людей. Его книги — громадное эпическое полотно, на котором каждый из ныне живущих в Украине найдет и легко узнает себя. Не всем это узнавание будет приятным: запечатленный поэтом образ высветит и то, что человек тщательно скрывал от самого себя, приспособляясь к общественной мимикрии. Ведь правда: откровенные злодеи просто так в глаза не бросаются — везде вполне приличные, даже обаятельные, люди,

часто подчеркнуто религиозны и благодетельны. Но часто за приличной внешностью и манерами скрывается прожжённый слуга дьявола, презирующий всех и вся, обуреваемый самими низкими страстями, осознано попирающий Божественные Заповеди, мелкий пакостник, стяжатель и вор. Анатолий Можаровский — поэт, развенчавший общественное лицемерие, одним из первых обнаруживший общественный распад и жестоко его выстрадавший. Как человек христианской культуры, впитавшей тысячелетний моральный опыт служения Божественной Любви, он видит ужасающие, апокалиптические, последствия безумствующего в смертных грехах мира. И когда записные патриоты упрекают его в том, что он, украинец, пишет на русском языке, они не понимают, что он стучится в сердца не народов, не классов, не наций, а в сердце каждого человека, требуя быть верным божественному призванию, чутко ощущать миссию, вложенную в человека Отцом Небесным. Его поэзия отнюдь не воспитание нации, а желание пробудить каждого человека, помочь ему в обретении истинной свободы, которую он получает от Бога, даровавшего ему право выбора между добром и злом. И самые жестокие битвы происходят не на полях сражений, а в душе человека: битвы двух противоположных начал — добра и зла. Зло многолико и соблазнительно, умеющее молниеносно воспользоваться даже мимолетной слабостью или телесным недомоганием, и навечно пленить душу человека. Поэзия Анатолия Можаровского для людей, которые среди скорбей земных, как в осажденной крепости, продолжают неравный бой с живущими в них грехами, звучит набатом и благой вестью: Бог не покинул вас!

В поэзии Анатолия Можаровского мы чувствуем нестигаемость воина и слышим негодующий голос пророка, взыскующий правды и подлинного, непритворного, гуманизма. Он не принимает эту действительность, это общество, эту страну, этих людей, смирившихся с грехом и сознательно грешащих. Он бросает им в лицо гневные инвективы, не выбирая слов и выражений. Говорит горькую, ужасную, правду. Он уверен: только народ, знающий горькую правду о себе, способен одолеть собственное зло — это как пощечина пьяному, чтобы привести его в чувство.

В этом творчестве Анатолия Можаровского ближе к культуре западной, чем к традиционно украинской и русской, вообще восточной. В культуре Запада преобладало саморазоблачение, саморазвенчание, самобичевание человека, в культуре Востока самовозвышение, народоугодничество, народопоклонство. Шекспир, Свифт, Гёте, Бодлер, Ибсен, Джойс, Кафка — никогда не “пасли

народы”, чувствуя опасность возвеличивания человека, заигрывания с непредсказуемой массой, разжигания ее разрушительных стадных инстинктов. Все они своим творчеством скорее шокировали собственные народы, чем пели им осанну, эпатировали, выставляли напоказ и яростно разоблачали пороки народа, нации, собственной страны, человека как такового. Бичуя народ, разоблачая человека-массу, западные художники — от Шекспира до Беккета — прививали иммунитет к раковым опухолям богоизбранности, богоносности, всемирности. Говоря человеку правду о нем, развенчивая антропоцентризм, демонстрируя борьбу Бога и дьявола в душах людей, западная культура диагностировала общественную чуму мессианства, национального чванства, лечила патриотизм и богоборчество самоосмеянием, самоослепление и самовоспевание — самоиронией и сфифтовской сатирой.*

Поэзия Анатолия Можаровского разрушает манию величия украинцев и миф о якобы присущему им вольнолюбию, которые веками деляла и пестовала наша интеллигенция. Оказалось, мы совершенно не готовы к свободе. Более того, двадцатилетняя история независимой Украины показала всю опасность свободы для не созревших для нее: разграблено и растащено всё — от столичных заводов-гигантов до изъеденного мочой кирпича в коровнике захудалого колхоза. Это-то великие дела и пресловутая свобода? Гротеск, фарс, библейские реминисценции, с помощью которых показан безысходный мир тотальной фальши, падения нравов, морали, мир, где торжествует тупость и серость, определяют стиль Анатолия Можаровского, ибо он вынужден повествовать не о великих деяниях своей нации, а о делах мелких, суетных и столь ничтожных, что люди, участвующие в них, выглядят не более чем мелкие насекомые.

Поэтический мир Анатолия Можаровского напоминает картины Питера Брейгеля Старшего. В нём, как и в работах нидерландского художника, многолюдно. С высоты птичьего полёта мы видим разбросанных по полотну людей. Каждый занят своим, важным для него, делом, не обращая внимания на соседа. Они вроде бы разобщены, но составляют одну, совершенную в единстве общность, каковым и есть народ. Но при ближайшем рассмотрении видишь уродство, карикатурность каждого человека, часто бессмысленность и греховность его занятий, а то и откровенное бесстыдство. Дух художника, поднявшись над суетой, воспрянув к Богу, с грус-

* Гарин И.И. Век Джойса. — М., 2002. — С.31—32.

тью и состраданием смотрит на красоту и убожество мира. Нельзя быть гуманным не сострадая. Поэзия Анатолия Можаровского столь всеобъемлющая, как и живопись Питера Брейгеля, и столь же исполненная сострадания, с постоянным привкусом исключительной грусти...

Куда идешь ты, человеке?

Быт и места бескорбные на земле — несбыточная мечта, которой ищут умы и сердца, чуждые Божественного просвещения, обольщенные бесами.

Раскаяние в греховой жизни, печаль о грехах произвольных и невольных, борьба с греховными навыками, усилие победить их и печаль о насильном побеждении ими, принуждение себя к исполнению всех Евангельских заповедей — вот наша доля...*

Михайло МАЛЮК

* Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. — Т.2. — С.50, 56.

Власть терриконовой партии
взошла
и сразу же бульдозером
по стране пошла,
оставляя после себя ландшафт —
пень на пне, то пустыня, то буерак.
Такие же ландшафты
появились в голове
каждого, кто бюллетень бросал
по принципу:
все мне.
И слышен шепот, крик
был из углов:
— Мне б докторов...
Мне б докторов!
Но вместо них шли
отпетые менты,
и становилось тихо по углам.
Все, как кроты,
попрятались по норам,
и хату свою на край
каждый волок
бурлак.
Время шло, а власть
всё богатела.
И вот министр
инфраструктур страны
купил с заначки
поезда “Хюндай”.
И власть поехала на них
кругами государства.
Край
исчез, все хаты взяты
были под контроль богатых.

Особенно обшарпанные
и в заплатах,
им парили цену на всё,
и даже секс
взяли под контроль богатых.
“Хюндай” шел тихо,
не бульдозеру чета,
без дыма, пыли,
на ядерном топливе пока.
Но ученые ищут
новый им мотор —
из вселенной взять энергию,
чтобы потом
пойти везде
по миру.
По звезде была история
для власти.
Они хотели миром наслаждаться.
Но, как всегда бывает,
вышел сбой.
“Хюндай” начал ломаться
сам собой.
Поломка за поломкой.
А власть дремает
по вагонам.
Люди воспряли, стало тихо.
“Эскадронов” сборов и налогов
не часто видно,
а то и вовсе нет.
Но люд, на всякий случай,
ведет себя пока как крот.
Страна меняться стала
в сторону, что лучше,
имеется ввиду наоборот...

29.12.12.

Отцеві Василю

Струмок із гір.
Води кришталь
збігає вниз, весь час петляє,
а далі в річку переростає
чисту,
дзвенить в камінні
дощем і сонцем.
Калина,
водою змита,
грона червоні,
ридають з долі.
Вода із річки,
неначе сльози.
Біля калини дівчина,
і в неї сльози...
Змиває листя
калина в осінь,
і лісом темним
пливе журба.
Дівча ридає біля могили
дорогої її любові —
він воїн був...
Могила, хрест
калина —
від України,
якій життя віддав.
Калина плаче росою
ягід червоних.
Осінь, листя
рікою пливе...
Скоро й сніг
засипле гору,
до могили не дійти.

Війна за волю,
війна за долю,
за Україну
серед братів...
І гнів від Бога.
Калина плаче,
дівча ридає,
і лісом тихо журба біжить —
разом з водою,
разом з рікою,
по всіх Карпатах
сум бринить...

29.12.12.

Бог дал человеку свободу выбора.
Человек выбрал путь,
и, совершая те или иные поступки,
которые часто не богоугодные,
а направлены на эгоизм
себялюбиви.
Это говорит о слабости Бога?
Нет. Бог долготерпелив
в своем отношении к людям.
Это говорит о греховной
сущности человека
и его грехопадении,
и грехопадении народов,
стран, империй.
Человек в ближайшее время
не остановится.
Оптимизм — это часть веры в Бога.
А люди становятся хуже.
Им нужны потрясения
и кровь, или хотя бы
вид ее по телевыдаче.
Адреналин требует
встряски.
Это тупик индивидуума
и цивилизаций в целом.
Ложь, необязательность,
леность, зависть, предательство, скука
от бесцельной жизни,
жажда много говорить
о пустом, и, в общем,
отсутствие терпимости и любви.
Виноват каждый.
Мало праведников.
Фарисейство и двуличие,
беспутство и быдлотизм
ведут к несовершенству
и идиотизму, развинутому
порочностью безответственности.

Бог долготерпелив.
Человек всегда грешен.
Спасение — великая тайна,
никому не доступная.
Внутренние ощущения
святости и близости к Богу
почти всегда ошибочны.
Но несмотря на это —
мир прекрасен,
а жизнь — великий дар
и великое счастье.
Другого счастья нет.
Все остальное — моменты радости
счастья жизни.

30.12.12.

С криком, шумом, гамом,
заместо флага —
белым чемоданом —
бежали из страны
нашей власти пацаны.
Кто на Нью-Москву,
кто на Лондон,
а кто и в землю
на востоке,
где горячо
и танки на охоте.
Сафари на
двуногих,
да и не только
на востоке.
Страна в великом
буме свершений
каламбура
за сутки оторвала
братву от главштурвала,
и стала забирать
у них богатство.
Глядь!
Как телевизор кричит
в защиту пацанов,
что жизнь начнут вдруг вновь.
Но не с пустых кустов.
Деньги у них.
Ого!
За двадцать лет урвали,
дорвавшись до штурвала —
всё им было мало,
и совесть не моргала,
и сердце все стучало
ровно и сердито.

Всё, что крали скрытно,
прятали не здесь.
Знали братцы,
время придет за ними —
в темя
народ восставший
погонит их, проклятых.

31.12.12.

НОВОГОДНЕЕ ЧУДО

В новогоднюю ночь
из “другого измерения”
к нам вырвалась машина:
прямо посреди Крещатика,
ниоткуда, как из-за тына, —
машина в сорок колес,
длиною двадцать метров.
Экипаж — из трех голов,
и три штурвала вместе.
Мотор — в двести тысяч
лошадиных сил.
Потухли “майбахи”, “ролс-ройсы”
от чудо-техники машины.
Как оказалось, за рулем
три “мажора”,
в стельку пьяные,
и сдвинутые на головы немного.
В них кто-то пустил
заряд петард
из ихнего Китая,
и, контуженые в пьяни,
они вышли в раж,
и газ давили все втроем
до полной гари.
Что было дальше —
помнят лишь немного.
Какой-то треск
полей магнитных,
и искры, как при
коротком замыкании,
что в электричестве.
А дальше — невесомость,
и удар
машиной об Крещатик так,
что в мэрии слетела крыша,
и окна все вокруг разбиты.

Милицию подняли по тревоге —
они все тоже в стельку пьяные, —
лишь некоторые — немного.
Кабмин собрался с
канцелярией Верхнего:
— Что с ними делать?
А народ наш, пьяный тоже,
угощает их,
пытается общаться.
А девушек собрались
тысячи, и все готовы обвенчаться.
“Мажоры”, наши,
слюни распустили.
— Вот это, блин, машина!
Пытаются купить ее у них.
“Телесик” — депутатик бывший —
платит шесть.
— Чего?
— Миллиардов гривен.
— Ого!
Но тут менты всех
начали гонять.
Народ подвыпивший сопротивлялся,
а потом двинул наступать,
“Новый Майдан!” кричать.
Согнали всю попсу со сцены.
Комитет создали.
Время шло
к пяти ноль-ноль.
Начали елку разбирать.
— Разбой! — кричал Кабмин
и мер.
Милиция не могла
помочь ничем.

Вдруг зверь-машина
взорвала громом
запуска мотора
пространство так,
что взлетели все заборы
и крыши поднимались
под Луну.
“Мажоры”, ихние,
поняли: несладко будет здесь, в плену, —
машину отберут, дадут жену.
И взвили в воздух,
как ракетой,
оставив разрушения,
и трезвыми
мгновенно стали наши,
как в праздника начале.
И было утро.
Пять пятнадцать.
Год две тысячи тринадцать!..

01.01.1213.

Річка синіми хвилями
неначе крилами
воду до моря несе
в нескінченність років та століть.
Ріка немов стоїть.
Води великі...
То хвилі, то тихо,
то сині, то сірі,
то сковані льодом
і снігом притрушені.
Велика ріка...
А море приймає води ріки,
а море збирає воду віками,
і не переливає
через край.
Десь діває.
А ріка —
в море на крилах,
мов журавлі у вирій,
і знову назад повертається.

02.01.1213.

Крохи от крох
собрать я не смог.
Обрывки фраз,
части от слов
слушал, не слыша,
читал не смотря.
Мешали оковы
и плен кирпича,
с которого выстроен
тюремный мой дом,
мною же выстрадан
и собран с умом.
Кирпич к кирпичу,
я строил стену
между миром, людьми
и собою.
Стены
оказалось, вроде бы, мало,
и я строил дальше.
Крепость
забрала все силы и волю,
и крохи свободы.
Осталась лишь грусть,
и слезы, и слезы.
Я Бога не видел,
не знал, не хотел.
Я себя ненавидел,
хоть и преуспел.
В личной тюрьме,
с закрытой душой,
сердцем холодным,
как под дождем,
что сыростью,
зябкостью
не давал мне любви.
Я сам не любил...
А кого?

Ты пойми,
говорил сам себе,
продажность людей
и жизнь по трубе,
где свет лишь в конце —
и то есть вопрос:
может, это не свет,
а хворост,
пучок, что сгорает,
а дальше — темно.
Темно. Бесконечность...
А нам все равно —
драмы иль гаммы
мотивов весны.
Нам все равно —
лишь бы деньги.
Туфты
много на полках
собрано временем
для жизни так долгой.
Свобода, как призрак —
лишь кнут и слова,
которые слышно.
И болит голова
от многопохлебки словесных
турбин,
что гонят лишь ложь.
Ее слышно.
Но дым глаза выедает —
от этого мы,
вроде бы, немного страдаем.
Вдруг, ночью, гроза —
молнии, дождь,
землетрясение, вулкан.
И кирпич не помог.
Тюрьма развалилась.

Я в страхе глухом.
Вокруг — пепел, огонь.
И, вдруг, Бог.
Теплом по душе,
а в сердце — любовь.
— Бог есть! —
я кричал как только мог...

02.01.13

Страна задыхается
без духовной революции.
Она устала жить
по бандитским законам,
и ждать от скотского варварства
эволюции.
Ложь, неправда и слова
в гирляндах
цветов завядших,
кем-то украденных.
И это под памятником
в день праздника!
Лидеры сменяются
в одном свинарнике.
Они выбираются,
как кнут или пряники,
но бездушные и никчемные,
со страстью накопления
богатства и денег.
Духовная революция —
в остатках народных,
пока они не стали
останками в природе.
Иначе — взрыв
революции социальной.
Рано, поздно, —
время не главное.
Главное — хаос агрессии, зла,
которые выльются
не ушами осла,
а кровью живой,
человеческой,
болью...

Не важно, что кровь
будет и проходимцев
от воли,
не важно, что кровь
будет богатых и сытых,
кровь пролитая — горе,
это не соль рассыпать.
Духовная революция —
спасение людям,
стране спасение,
и воспитание нелюдей.

02.01.1213.

Дорога.

Я не могу отдать тебя снова
по полунаитью чувства мирского,
помыслов, взглядов, законов,
что проходят, как торнадо.

И снова тот же образ,
и жизнь всякий раз все там же.

Я хочу по-другому.

Ни влево ни вправо,
ни в сторону временно
трудность срывая
как пучки травы,
и увядать оставляя.

Иди!

Это то, что ты долго
искал годами.

Это счастье, что
сейчас уже кружит
в вечной любви
с нами.

Наши близкие — те, что
избрали тоже ее,
пыльную, камни.

Идти будет легче.

Бог нас поддержит
силой и любовью своей
всех вместе.

Дорога!

То на запад и север
с комфортом,
то Нью-Йорк, то Москва,
или город на Волге,
бывший Горький.

Дорога!

На юг, где моря в
нежном пламени ветра и солнца,
где волна голубая
катит на берег,
и звонко
чайки кричат над тобою.
А рядом — телом красивым
любовь, что еще краше в прибое.
Дорога!
На восток, где Каир, Багдад,
Кабул и Дамаск.
Где оружие — брат.
Где мертвые тоже не спят.
Где нефть уплывает рекой,
обрывая цивилизации строй.
Братских могил — не счесть.
Где любовь только
к истине есть.
Где еще сохранили свой
страх
к Богу.
И жизнь своя —
пустяк.
Дорога!
У каждого есть своя.
Мне бы силой держаться,
и не сгореть, как дрова,
а оставить дух
для близких, как память,
не в металле горячем, презренном,
ни в бронзе, ни в камне, —
дух оставить,
дух, что витает.

06.01.1213.

Мария с Симоном
днем под солнцем-звездой,
ночью под луною
по тропинке к Богу,
всегда только к Богу.

Летом, зимою,
осенью и весною,
при погоде, непогоде
помнить о Боге,
о жизни вам данной
для цели гуманной —
любви постоянной
к Богу и людям.

Закон самый главный.
В нем смысл и страданий,
в нем смысл созиданий,
в нем смысл созданий
на радость небес.

Мария с Симоном
днем, ночью с любовью
к ближним и Богу.

Жизнь, что святая,
вам завещаю,
жизнь, что мечтая
о людях, стране,
и им отдавая
всего Я, как себе.

Жизнь, что для неба,
в горний поток
воды вечной, чистой,
где мир и любовь,
и дух ваш, как
камень, металл
и огонь.

Без страха перед врагами,
что путь закрывают
на небо,
вперед!

06.01.1213. 22.30

По земле покрытой
снегом, льдами,
сквозь морозы
мчится скорый поезд,
улетает.
Я в нем тоже в пассажирах.
Ищу кого-то, а кого —
не знаю. Ищу лицо, что
в памяти сверкает.
Поезд длинный.
Без конца.
И в глазах моих —
вагоны, двери, тамбуры
и пустота.
Лица пассажиров друг
на друга все похожи.
Спят, пьют, едят,
курят и глаголят
речи философские родные,
доморощенные, но не простые.
Центровой вопрос: о власти,
о национальностях
и государстве.
Право собственности
сокровенно обсуждают,
но фамилий тех, кто прав,
не называют.
А кто неправ?
О тех
вообще молчат.
Мигают пьяными глазами,
пальцами куда-то тычут.
— А ты не с нами? —
меня не раз уже спросили.

А я иду, смотрю в купе,
по коридорам, и в лицо
каждого, кто хоть чуть-чуть
похож на ту,
что в памяти моей.
Уже и ночь вот-вот,
и сны.
А я иду напористо,
и ты в моих глазах
никак не хочешь
показаться.
Ну никак.
Коридоры устелены коврами.
Поезд мчится как
из мира нереальности,
пролетая полустанки, города.
Я из вагона
через тамбур
вновь в вагон.
Беда!
Нету поезду конца,
и нет тебя...
И лица, лица по вагонам,
все не те.
Поезд мчится в снежной пустоте.
Кого ищу, того здесь нет.
Пойду в локомотив
просить бригаду машинистов
повысить скорость.
Может, он где-то
впереди земли.
И мы его догоним.
Не брошу я свою
мечту,
и с поезда уже я не сойду...

10.01.1213.

Скоро новый праздник
вводит власть
на стране и на районе,
на тюрьме и на зоне —
красный день календаря,
выходных четыре дня:
день организованной преступности,
как когда-то седьмое ноября.
Парад на Крещатике.
Толпой
пройдут группировки,
и поведет зека конвой.
Сколько их будет там?
Миллион! Легион!
Лучшие из лучших.
Под флагами,
с битами, ломами,
волынами, финками.
Спортивные парни —
от олигархов,
чьи руки не знали труда,
кроме драки.
И подарки им выдадут
в ярких кульках —
конфеты, яблоки и конопля.
И спрут будет
получать ордена
из рук президента.
Страна
выдержит это,
как стерпела все
за столетье.
И униформу бандитам пошьют:
спортивный костюм, кеды,
и круг,
спасательный, для головы,
где при рождении
были мозги.

Сейчас — только череп лысый,
и бровь,
взгляд из-под шапочки
и черных очков.
А те, что при власти,
держат их в масти,
те будут носить
бант на груди
и орден на шее
с надписью:
“Ты погоди!”
Мне даже не страшно
уже на стране,
на районе не страшно,
хоть менты все в дерьме,
и многие из них
служат в бригадах
крутых, от бандитов,
что страну сейчас гадят.
Но люд здесь привычный.
Кто сына растит.
Рад, что в бригаду
пойдет. А на фиг
работа на шахте или
там вуз?
Прав тот, кто сильный,
способный убить...
Праздник средь лета.
И колокола в храмах
будут звонить,
церковь отпустит грехи
в покое
и похоронит
в могильной стене.
Во, бля, страна,
куда там им всем!

Праздник бандитов
с парадом
и техникой,
и не за занавесочкой.
Это полный писец
Отечеству...

11.01.1213.

Юля бьется птицей в стенах,
окна в прутьях ржавых.
Денег не жалеют на охрану
в бывшей соцстолице,
где нет окраин.

И бал черт сам правит,
без нее, без Маргариты,
там другие кондуиты,
верные собраны Верха,
что с Междунорья
смотрят цепко.

Держат Юлю в черном теле,
Кариес следит по делу,
мистер Бобкин глаз не сводит
с кичи, где сам леший бродит,
где Совдепстраны осколки,
яркие, и светят колко,
где люд сбившийся
в толпу, машет флагами,
вопит.

Словом, все нищак!
Хоть в Советах слово
это кулуарило в
клозетах зон закрытых
от народа,
но сегодня — всем свобода,
и слова из Зекогорода
заняли места
здесь строго —
от губернии до трона.
Юлька стонет
от неправды,
от лжи мерзкой
и бравады
прокурорских и судейских.

Но придет их час
житейский —
не завидую я им.
Богу я пишу о них.
Кровью каждый стих отмечен,
болью, болью бесконечной.
Им не скрыться
на конечной
станции, что подойдет.
Там их встретят.
Целый взвод.
Юлька стонет от неправды,
Юлька терпит зло
от лярвы,
что под троном
эротропом разбросала тело
донам.
И они ее имеют,
пьют с нее,
балдеют.
Лярва замутила косы
всех мужей косоворотых,
и они ей отдались
телом, духом
уплелись.
Люд стеная, плачет,
воет,
но в сараях, втихаря.
От боится “лафаря”...

11.01.1213.

Моим стихам
цены нет и не будет.
Они, как снег белый,
как гроза в июне,
как лист желтый осенний.
Со мною Бог в понедельник,
и во вторник,
и в среду,
и в четверг —
все дни недели.
С Ним сверяю слова,
строчки, темы, имена.
Эти стихи, как вода,
что в пустыне
пробила
толщу земли
и заискрила.
В несчастной стране,
триста лет подневолья.
Триста лет все во лжи.
И предатель свободен.
Вор гуляет
бульваром,
отщепенцы с товаром —
что хошь продадут.
Уже родину пьют,
разбавляя вином.
Чаша-череп украшена
золотом и серебром.
И горшки ночные
сплошь золотые.
И отребье в мундирах...
Вижу всех я.
Не диво,
а горе — не беда.
Тупость лиц, господа.

Бог вызывает и просит,
а ворье в церковь
носит
не душонки свои,
а целковые
в детской крови.
И берут их,
ноют и вызывают к Христу.
А я плачу, прошу,
прошу и пишу...

11.01.1213.

Я, как солдат, встаю
и иду.
Мне говорят:
— Подожди, не спеши.
Но я слышу крики в ночи.
Помощи просят
вчерашие силачи.
Тропинка петляет
под светом небес,
а дальше, стеной,
Черный лес,
ночная прохлада
и тишина.
Но я слышу дыхание
леса,
и сна нет здесь,
как у людей,
а крики о помощи
все быстрее и сильнее.
Я подхожу к поляне
большой,
на ней из обкома
в прошлые годы
Советской страны
прокурорский блатной —
новкапитальные дети бузы.
Вот и мадам Полова,
когда-то Юльку судила,
а сейчас виновата
пред ночью лесной
без постели кровати.
Ее здесь не мучают,
а просто хотели
жизнь показать.

А дальше — суды
из ЦК, ети его мать!, —
“Пидрахуйные” ставленники, —
есть за что отвечать.
Судьи оборваны, грязны.
С деньгами, что давно
уже сменены
новыми знаками
нами.
Дамы на джипах,
ржавых, без шин —
шины поели
и выпили бензин
в ночь новогоднюю,
бедные.
Вот так страдальцы
из безвременья!
А те, на поваленом
дереве,
в ряд,
президенты, премьеры,
министры
сидят,
депутатов кусают за зад —
что откусил, то и съел.
Что есть сил
жуют
хвою сосны —
так они борются
против цинги.
Способ проверенный
ещё с Колымы.
Я успокоил всех.
Свечку зажег.
Небо просил забрать их.

Но не смог
я допроситься,
и утром ушел.
Они растворились
под первыми лучами
Солнца.
Сегодня здесь вновь.

12.01.1213.

Пробиваясь сквозь
снега завалы,
под метелью,
не уставая,
я тебя вспоминаю.
А жизнь ведет
всё дальше в лес,
а там все больше снег.
Мотор кипит
от зла, обид.
Он так устал зимой
палить
бензин, что
льется без конца.
Мотор — спасение в снегах.
И воют ветер
и мотор,
дуэтом рвут
снежный простор.
Я пробиваюсь без тебя.
Но помню все,
весна моя.
И соловьи поют в душе,
и травы в серебре, росе.
И я по ним
гуляю здесь.
А тут пришли зима и снег.
Воет мотор раскаленный
в лесу.
Ночь наступает,
и я принесу
снова дрова для костра
до утра, до утра...
В плену пока держит зима.

12.01.1213.

Поезд. Вагон “Столыпин”.
Конвоиры, лай собак.
Этап.
Конвоиры вместо хлеба
сеют страх.
Полстраны в лагерях
за просто так.
Меня уже не испугать.
Страх внутри,
где сердца бой.
Я ушел, оставив его
вам, политики,
и сбой
произойдет у вас.
К вам войдет мой страх.
Тюрьма.
Окно в решетках.
А я свободен,
хоть и зорко
за мной следит охрана.
И страха нет ни грамма.
Они это знают,
поэтому на семь замков закрывают,
а чуть что — стреляют.
Мысли бегут плавно,
я в мыслях живу
нелегально.
Свобода мной взята
в войне
с собой, с телом своим,
а врагам теперь страх вдвойне.

13.01.1213.

Я низько голову схиляю.
Я не молюся.
Я волаю.
Прости все, Господи, прости.
Прости мої гріхи.
Не бач їх більше,
хай зійдуть,
як сніг той чорний,
щовесни,
і знову квіти зацвітуть.
І хай в моїй
душі,
в моєму серці
пагінці
піднімуться
життя нового,
чистого, з Тобою.
— Прости, мій Боже! —
я волаю.
Я стомився.
І знаю, що тільки Ти
можеш спасти.
Прости мене, прости...
Почуй мене!

13.01.1213.

Під хлівом біля клуні
стоїть стара січкаря.
Буде скоро коліщата
крутити дядько,
а дядина
подавати під ножі
кулі
сухої кукурудзи
та соломи.
І будуть годувати
цим корову:
засиплють в цебер,
поллють гарячою водою,
добавлять макухи і полови.
І так всю осінь, зиму,
весну, аж до
зеленої трави...
Січкаря монотонно,
півгодини в день,
обертає коліща, ножі,
і ллється січка
у великий цебер...
І ця картина
дуже схожа на
життя в теренах
пострадянських.
І в нашій Україні,
при свободі громадянській,
влада крутить коліща
держави,
і пхає люд кудись,
як під ножі січкарні,
І монотонно,
мовчки, тоскно
той люд іде,

і падає вже січкою
під скрип ножів і
коліщат
в якісь простори
пострадянські,
що схожі так на
цебри.
Люди-січка.
Хліви.
...Вечір ранній
насідає.
Дядько крутить коліща,
гукає,
щоб проворніше дядина
солому подавала,
бо кукурудзи вже нема у домі.
Січка падає.
Вже хутко ніч...
А рано вранці топлять піч...
Україно!
Що зі мною?..

14.01.1213.

И снова женщина ворвалась
в мою жизнь.
Некрасивых женщин не бывает.
А здесь — сюрприз!
Безумной красоты,
улыбка светом утренней зари.
И я ей предложил
сделать рентген,
совместно с нею,
двух наших тел.
Она улыбнулась,
махнув на прощанье рукой,
ушла,
оставив память красоты лица.
Герой! —
подумал о себе. —
Не оттуда начал.
И оказался в луже.
Где?
И что за перекося ума?
Откуда?
Начал размышлять,
и понял я:
Россия хочет новую империю себе.
Ее можно понять.
Самим ведь скучно
на таких просторах,
да и холуи нужны,
и порох кому-то приказать
сухим держать...
Так скажите прямо!
Нет!
Что-то крутят у себя за ухом,
и создают Таможенный
Союз,
тянут туда нас, украинцев.

А тут — хотят
и не хотят.
И за и против.
И никак.
А почему не общие
канализационные системы?
Россия—Беларусь—
Украина—Казахстан —
и далее на юг.
А почему не общие
леса?
Объединить их.
И полоса
нейтральная —
аэродром,
секретный, президенту Украины.
Что, облом?
А тут какая-то фигня:
Союз Таможенный...
После СССР такая ерунда!
Какие лидеры, такие и слова,
какие мысли,
такие и мечты.
Скажите прямо:
что хотим союз,
такой как СССР был.
Вдруг народ поперет?
Но нет пока.
Не выгорит.
Но время подойдет
Союз взойдет звездой
от Чопа по
Владивосток.
Империя царей великих,
где будет править правда истин.
Я даже знаю
кто будет Первая Царица.
Она уже растет.

А вы, мальчишки,
рулишники рулей
от “мерседесов”, “боингов”,
вы не политики,
а так,
политгребушники —
большие деньги, женщины,
богатство
про запас.
И тот фиктивно-фрикционный
Таможенный Союз для вас —
всё что вы смогли
своим умом
в этот холодный, пакостный,
вами отбитый час.

14.01.1213.

Пули-слова пробивают
ветхую хижину мне.
Пули-слова,
как ненавижу их!
Жизнь среди лжи,
перекрученных истин,
искореженных, ржавых...
И память — бессмысленна.
Там — острова философии
глупости,
нагороженные мудрецами,
что с тупостью все.
То Бога в них нет,
то земля вся — крестьянам,
то фабрики — мне,
а заводы — братьям всем,
что мы — не страна,
а семья, где лишь братство.
А что лагеря, зоны?
Так то для острастки.
Менялись цари,
а двор оставался,
и спускал стихари
о голом достатке.
А жизнь все бежала
по тропинкам, дорожкам
между вечных дубов,
сосен, березок.
И это спасало
буйную голову
от сдачи ума
в аренду, как дом.
Но надежды светились
зорями вещими,
и так же топились
водами здешними,
что бурлили весной,
то тянулись к болоту,

где снова застой,
и ложь без умолку.
Мудрецы без конца
сверху гундосят,
а внизу и своя
толпа идиотов,
что поддались
умом философии зоны и смальца,
и толпою пошли,
неся слово уродов
перевернутых истин.
И Бог — уже главный,
но только у них, и он — ихний.
И по их словодельни
трактуются жизнь,
и вера — по них,
а наша лишь деньги,
что носим мы в храм,
по копейке с душонки.
Вот жизнь так прошла
без свободы,
по пленкам,
затем и по дискам,
записанным, снятым
где-то глубоко и низко
для тех,
что все-таки сдали ум свой
в аренду партийкам,
как паи — плодородные
земли.
Эх, ленивцы!
И скрипом скрипит
дверь ржавая ночью,
петли трещат,
и смазать никто их не хочет.
Туда ходят вниз
толпы людские.

— Обрати верни!
я кричу что есть силы.
Но обратн выхдят
только те, что заводят —
мудрецы и философы
без правды и Бога.

16.01.1213.

На политической свалке
Украины
так много лежит
нездоровых при жизни,
забывших о тризне
на мягких диванах
и пышных кроватях,
укрававших кусок страны.
Одевшись в богатство,
отщепенцы, прохвосты,
нелюди и просто
чертва!
Пытаются снова
пролезть в политкухню,
туда, где так сладко
уродам безмозглым,
предателям, извергам
среди компотов.
И терпят их люди.
Вместо тюрьмы
воры без корон
хотят новой игры —
то в парламент вошли,
то референдум о дальнейшем пути.
На кой он нужен?
Идти в страну, где нет дюжих?
Устроите порядок! Да...
Косолапчук с кумом
обратно нас под “брата”,
тоже вора, но в короне,
и “чекиста”-осла, в баблоколонне,
что мнят в себе
силу всесилья.
Граждане, братья!
Простите, братки!
Без прелюдий.

Зачем вы играетесь
в игры рогатых?
Это же грешно.
Да и опасно.
Особенно здесь, в Украине,
где люди
уже просыпались,
и скоро проснутся,
и вам, таким сильным,
может икнуться.
Тем более, попа ваша
открыта
перед великой Поднебесной,
чья крыша
может быть вашей
уже навсегда.
Нехорошо так, господа!
Хоть вы и бандиты,
братва,
но мы тоже умеем
кое-что в этом мире.
И время ваше
в зоне
вместе с “чекистами” уже отбило —
несчастливая шобла
со свалки
кумиров...

16.01.1213.

Мерзость запустения
на их лицах,
в их глазах,
а они говорят, говорят.
Многие люди видят
их холенные щеки,
выбритые подбородки,
ухоженные волосы,
и одежды по цене лесной просеки.
Для людей радость
телевизионная служба новостей.
Бесконечные трупы, кровь,
убийства, аварии и гроб, гроб, гроб.
Это радость жизни
у телевизора смотреть
убийства.
А вожденья говорят, говорят.
Есть надежда —
они посылают спичи,
как печатают шаг.
Юля уже убийца.
Хоть и без суда,
но ей светит пожизненный.
Что? Когда?
А новости сбрасывают
морги пространств —
трупы, трупы
уже как любимый
протертый диван.
А они говорят, говорят...
Дьявол всех связал, сплел
в одну веревку,
и никто не виноват.
Зло ширится переходя все границы.

Зло питается радостью
и искрится
пьяница похмелем,
олигарх деньгами,
идиот властью,
аферист делами.
Побороть зло не удастся.
Может попробуем
забрать его радость,
как тогда все повернется?
Новости сбрасывают, льют,
болванят.
Люди у телевизора
радуются,
и думают, что это они отдыхают.
Нет, их готовят
к новой, низменной, цели.
Они это поймут, как всегда,
спустя много лет
на очередном страноразделе,
или же стран.
В дураках останутся почти
все,
за то, что
у телевизора сидели...

18.11.1213.

Парк под летнею луною,
мы целуемся с тобою.
Ты чуть-чуть пьяна любовью
среди деревьев с блестящею листвою
и травой в росе.
Небо в звездах.
Лето, смех,
мой и твой, чуть хриплый, тихий.
Юность медленно уходит.
Липы пахнут сладким медом.
Как и ты.
Что я об этом?
Ночь заполнена любовью.
С чем сравнить
радость раздолья.
Ранним утром солнце
к нам.
Ты смущена,
а я снова улетаю в даль
в своих мыслях
и делах.
Печаль
ещё придет
морем бурным напролет.
Город станет чуть другим.
Лето сменят много зим.
И тебя мне не найти.
Только так чуть-чуть черты,
что остались
там, в груди, в сердце,
откуда им и не уйти.
Любовь, мечты,
дороги, свет...
Я летел, не жил.
Я на потом оставил все.

Но время быстро отошло,
оставив мне замкнутый клочок
пространства.
А я в нем счастлив,
как ни странно.

18.01.1213.

Я по весне
срублю дом на реке
под березами
белыми, белыми-белыми.
Время пройдет,
и сад зацветет
вишнями
белыми, белыми-белыми...
И ледоход на год
снова уйдет,
а река побежит
волнами
быстрыми, быстрыми-быстрыми.
Мы будем
счастливыми, счастливыми-счастливыми.
Я лодку срублю,
и по реке вниз поплыву,
к морю
синему, синему-синему.
Со мной будешь ты,
милая, милая-милая.
И дети твои
красивые, красивые-красивые.
И время уйдет
с земли в небосвод,
и сад отцветет,
и в плодах будет все —
и вишни
красные, красные-красные.
И дождь пойдет
летний.
И дом наш столетний,
и мы в небе — птицами,
с детскими криками
птенцов, что
испугались дождя.

Вишни красные
манят нас рясными
ветвями в сад.
И мы с зари
со стаей детворы
поем
и славим Бога, речку, дом.

20.01.1213.

Отблестела краска на фасаде
дома
у балкона,
где живет Наташка —
новый партийный лидер
диванной партии у Ляшки,
взамен ушедших в свалку
бонз партийных.
А тут — фасад, балкон...
И стало так противно —
на улице январь, мороз,
и, несмотря на это
погнала Ната
мужа Колю:
— Иди,
купи затирку, грунт и краску.
И Коля, как военный,
офицер,
сорвался,
и через час
уже в каске и спецовке
ковырялся
пальцем в штукатурке
по фасаду.
А Наташка Колю
держала сзади.
Коля матом крыл
свою жизнегу,
Мучму-презера и всю
его команду.
За эти записи, что
слава утопила,
а денег с них, как
с этого фасада мыла.
Лучше бы снимал
кино в борделях.

Это то, что нужно здесь,
в стране
без хлеба.
Кино несло бы миллионы,
да и кайф смотреть
на секс-промышленность —
не рыжий Мучма
в павильоне.
Наташка радовалась жизни,
что у нее уже мужчина.
Бросил семью свою,
и заплыл в плавни Наташки,
хорошо хоть, что
без Мучума-придурашки,
который с ним уже и днем и ночью.
...Краска покрыла фасад
жестко.
Мороз мешал.
А Коля все грустил, пищал.
Что за страна такая?
Столько компромата
он на власть собрал, ну, тонны!
А людям — пофигак
все это.
Здесь даже дождь
идет в мороз, как летом.

20.01.1213.

Мы граждане одной шестой
части суши,
бывшей страны великой
пишем коллективное письмо
товарищу Сталину
как криком.

“У нас, товарищ Сталин,
споганело все давно.
Вы врили нам,
но то было давно,
и мизер с днем сегодняшним
и серым.

Воруют здесь все —
даже чекисты-офицеры.

Сменяются кукольные
правители с фамилией
одной: все президенты.

И тоже воры все —
от Курил до Тисы
бесконечно.

Страну сломали как
сказали:

лопнула, треснула,
а люди даже не кричали.

Наоборот, все радовались
за свободу,

что спекуляцией и взятками
звалась при Вас до гроба.

Партия коммунистическая
пала как Берлин когда-то.

Лидеры нух потеряли
на текущие моменты,
и развили чувства
на деньги дяди Сэма
и европейские дензнаки
для роскоши потребы.

Кругом бандиты, как при вас,
все в бандах,
но ныне они правят нами.
Мы даже не рыдаем.
Вы приучили нас терпеть
все, что человеку невозможно.
И ваша школа, товарищ Сталин,
сделала из людей
раба с вельможей.
Говорят, что вы живой
и по Кремлю вас видно.
Помогите нам,
вернитесь,
и откройте Колыму для быдла.
Отправьте всех туда нас
пешим ходом
с президентами в клетках
и вельможек.
А здесь, в пространствах,
пусть будет раздолье
для зверей диких
и одичавших собак и кошек.”

20.01.1213.

Партия новая к власти пришла.
Вместо знамени у них
уши осла.
Гербом стало чучело
зверя:
дикий кабан-вепрь,
вот это время!
И начали все отменять,
что за двадцать лет
стало жизнью.
Опять
деньги пропали по банкам.
Инфляция дикая.
Шарманка
стала слышна во дворах.
На стадионах — торговля.
Нищак!
Рекет пошел снова вперед.
Название улиц меняли
все влет.
А награды, премии, вплоть
до вышайшей —
все изымали
чинуши-правляйвряйлы.
Отряды шли из дома в дом,
Оружие и медали —
в корзины.
Облом.
И премии нужно потомкам
сдать в госфонд.
Денег нет?
Отдайте квартирку, дом,
и бегом
с глаз чистотрядов
по новой разверстке.
У меня вот дрова
забрали с березки,

перстень с руки,
и книжки в корзины,
те, что я написал
для новой години.
Всех кого хоронили
на аллеях центральных
за заслуги перед страной-
Вурдалайней,
как вождь прохрипел
в микрофон:
— Выкопать и вывезти вон!
На место пустынное
в зону Чернобыль.
Места те с землею сравнять!
Все возможно,
подумал вдруг я.
Хорошо, что не умер,
и нет медали.
А тех, что я знал,
писатели в ряд
на Байковом кладбище,
где их особняк,
вырыли полностью,
с запасом еще.
Увезли на Чернобыль
за романы, стихи.
А ямы засыпали
ополчением народным.
Страну так чистили
новым порядком
внезапным приходом.

20.01.1213.

В ней нет конца,
есть только начало.
Бег без лица
и украшение болванов.
История, факты,
не есть наука.
У нас извращают все
и пишут мишпуху.
Спустя сотни лет
одних поднимают,
других опускают,
так, что трещат
кости в могилах.
А нам бы вспять
туда, где, как пишут,
так хорошо,
а здесь застыла
беда нагишом.
И бороться бы с нею
всем сообщая,
но продается все дело
за три гроша.
И любви нет,
и дружбы —
холодный расчет.
Даже жениться иль замуж,
счастья глоток,
но к нему — недвижимость,
чуть золота,
глянца шикарных картинок.
Все по расчету.
Истории вехи.
У них по миру
все дураки, а у нас
лишь прорехи, просчеты
и недоуспехи:

то кто-то проспал,
то канитель
с чужою женой,
что вышла к нам голой.
И сдвинул покой,
тот, что спокоен был,
как гранит,
а бросился в бабу —
и рвет, и пилит.
Грех и обман в истории века,
последнего нашего
недочеловека.
А те, что раньше,
просто дичьба.
— Вехи истории
я пишу для себя, —
так мне сказал
идол-вождяк.
Я не стерпел,
и говорю:
— Ее перепишут
под чью-то свою.
А с вас сделают
коровью лепешку,
и вымажут
дегтем,
вашу голову
отдадут практикантам
в вуз медицинский
девок пугать ночью.
Засранцы!
Вождь прохрипел:
— Ты напиши
обо мне, что хотел.
Может, оставят
на веки. И чтобы успел.

И я написал
книги о всех проходящих
передо мною в колоннах
вождях,
и о тех, что за стеною
в засаде сидят.

20.01.1213.

Мир накрахмаленный
и синькой подсиненный,
как белье то постельное во
время советское.
Но постирать забыли.
И пятнами грязными
от любви с шоколадами,
брызги шампанского
и губная помада.
Танки по Вильнюсу,
войска в телецентре.
Стреляют счастливы из АКэмов,
пули трассируют, грязь обжигая.
— Отдайте Литву! — нам кричат
и глотают,
с Европы, той старой, еще
без советчины.
И Сэм-дядя для нас
всем примерствует.
— Берите Литву и Балтию всю,
кормите, храните,
а мы с них офшоры поделаем
быстро.
Пусть деньги стирают,
не жить же им с кильки,
что ловят, страдают.
И стирка пошла бесконечная,
длинная.
Реки дерьма
со стирпорошками и пеной
широко
поплыли Европой.
А поезда и баржи пошли
с нафталином, чтоб деньги
легли в долгом хранении —
портреты зеленые
и евро в звездочках
от стирки соленые.

И мир не вздрогнулся,
не встал на судилище.
Как же ведь так?
Не стыдно от ближнего
взять и затырить,
еще и стирать?
А крахмалом глаза
всем заливать,
и пространство синькой
синить, приукрашать?
И из телевизоров прет
этой массой.
Нет Бонапарта и Цезаря нет,
чтоб головы снять
и на насест
курам на смех.
А все голубые от синьки,
хрустящие,
покрыты крахмалом,
ненастоящие.
А реки бегут
стиральные, грязные,
фекально-навозные,
миру глаза закрывающие.

20.01.1213.

Мы победим.
Мы силы добра и правды.
Мы победим,
не сегодня, не завтра.
Мы победим вместе
с вами, ЛЮДИ!
Мы победим — это
не будет чудом.
У нас нет другого выхода.
Впереди стена безысходности
и скотской покорности.
Сзади спецотряды
и боевики партии бравады.
Слева и справа —
мулсор людской
из предателей, нехристей
строен забор.
Рты их несут чушь,
околесицу.
Они производят один лишь продукт —
болванов в погрешности.
Планы с рук,
проекты с ходу:
ложь, ложь народу!
Мы победим
нечистых помыслами,
мы победим обманувших
нас полностью.
Нам только вперед
на бетонный забор,
и по кусочку, по пылинке,
по камешку
все разнести по дороге
памяти, тех
что нами правят
уже под сто лет.

Советик вчера
и сегодня все тот же
подлец
без любви к стране,
без любви к тебе,
без любви к себе.
Мы — рабы.
Они — нет.
Наш путь только вперед.
Нас много готовых
в этот тяжелый и долгий
поход не на момент.
Это не один год...
Мы ушли так далеко в никуда,
как никогда.

22.01.1213.

Раздайте наганы,
спикер Литвинов,
разделите бабло,
вице-спикер Мартынов,
оденьте штаны,
депутаты, что в зале!
Сегодня мы здесь
повоюем сначала.
Страна кувыркнулась
в феодализм,
а нам обещали совдепы,
что будет шелковочистый капитализм,
как в ихних Парижах и Ниццах.
И мы оказались
под феодалами быстро,
князьями-жлобами,
жадными, хитрыми
с черноглазами
и ртами повидлыми.
Сладко-лелейно и витиевато
плебс заманили,
как девку солдаты.
А мы брюхаты
брюквой с лапшой,
мы выживаем,
как в лагере, что ли,
а с чем сравнить
порядок наш новый?
Неофашист и тот, блин,
на воле.
Бандиты гуляют
в павлиньих садах,
и как павлины
хвостами мах-мах.

А мы в подневольне,
ободраны всласть —
нас ободрала советская власть,
что изменила погоны,
мундиры и
комсомольские сукины “ксивы”
на новые флаги
и новые гербы.
А нас, дураков,
бьет все это по нервам,
и в водке всплывая,
в пиво ныряем,
а с пива —
на пьяную бабу в сарае.
И нет здесь оргазмов,
мат лишь витает.
Жизнь серо-черная,
и грохочут
по железным
дорогам призрак-экспрессы
“хюндаи”.

22.01.1213.

Змеи.
Их много разных,
ползают по террариуму,
сворачиваясь в клубки,
отползают,
затем друг с другом
соприкасаются,
мирно, вроде даже уживаются.
Волосы от их вида
страх на голове поднимает,
капельки холодной воды-пота
по спине стекают.
Грудь сдавлена неровным
дыханием.
Змеи нас жалят,
и смерть присылают.
Встреча с такими
в дикой природе:
случайный шаг —
и ты ранен, как
и жизнь наша.
Грехам земным
нет прощения.
Мы похожи на них
в своих прелюбодеяниях
и разврате,
сладострастии.
Страсти, страсти!
Будь то богатство
или жажда власти,
непредсказуемая жестокость
и зависть успешным.
Мы в террариуме чувств и действий
за занавеской...

25.01.1213.

Храма старинного
темные стены.
Я мысленно вечером поздним
уношу себя
и становлюсь на колени
в крошечной
темноте.
Рваные пятна луны
светом через окна
ко мне, на стены, полы
и лики икон.
Я плачу здесь от любви,
что большою волной
накрыла меня
от небес до Земли.
Я плачу любя.
Мне никак без любви.
И в тихой молитве души,
где не слова,
а мысли незрелые,
что как огонь
жгут меня в храме,
и я поклоняюсь
Богу в любви.
И с любовью своей
лишь прошу
ради детей,
ради Марии моей.
Я чувствую как
нужен я ей.
Темные стены
древнего храма
в рваных лучах Луны,
что так рано
взошла надо мной
с любовью.
И мысли тихо дорастают
до зерна.

Молитва бессловесная
Богу слышна.
И грешен, и беспутный я,
святые люди,
не оставьте вы меня...

26.01.1213.

Слава при жизни
растлевает человека.
Слава по смерти
нужна только тем,
кто прилепился где-то
и что-то говорит,
и вроде славит.
На самом-то деле
себя выставляет,
и думает больше о себе.
Что кости в могиле,
и что они мне,
если душа не достигли небес,
если от той славы
ласкательных слов
на паперти нищие,
сироты без снов,
больные в больнице
в болезни оков
мало кому интересны всегда.
Гений нам нужен,
гений-звезда,
и что б пороков
побольше у него —
наркотики, деньги
и алкоголь,
и женщин бессчетно
в памяти лет.
Гений уставший?
Он сверхчеловек.
Ему все возможно.
Кто Бог для него?
Гений тревожно
смотрит в свет
сквозь окно.

И что там в душе
у него поутру,
когда руки дрожат
за дозой.
Иглу!
И вот полегчало.
И он снова наш —
пример для людей,
что и так все почти
по колени залезли в шабаш.
Пример для потомков.
Очень смешно.
Но прилипалы трепятся
звонко.
Им повезло.
Они его знали,
и знали порок,
знали все страсти,
но забыли, где Бог,
и вместо спасения
несли пузыри
с водкой расейской
для уже черной души.

26.01.1213.

По автострадам
пыльным и чадным
несутся потоки машин,
при разной погоде
во время года любое,
ночью и днем.
Вздымая ветер, и колесами
его бросая на обочину
волнами, что
обдувают там стоящих
рабынь любви.
Из Украины и России
по всей Европе
их свозили,
и мафия дала мандат —
что жрице этой,
и что в общак.
Летят машины.
Кто-то тормозит уныло,
и выбирает как таранку к пиву,
осматривая и похлопывая
по местам тем похотливым.
А дома — мамы, папы, братья,
а дома родственники,
что еще гордятся
такой работой
и в банке счетом,
и отпуском домой.
А время закрутило оси, так
что они сорвались
и смешались в общем,
и их движения — уже
не механизм.
Там нет законов механики,
лишь скрип и писк,
и масло — лей не лей —
уж все равно.

Осиломаются,
или сломались,
может быть, давно.
И судьбы людские
спустили души в ад.
При жизни многие
уже лежат в гробах.
А автострады ветром
обдают стоящих.
И нервно курит сигарету
девчонка — лет шестнадцать,
а дома мама
в церковь
зачастила.
Ребенок ей шлет
все больше денег.
— Пива, пива! —
кричит водителю ребенок,
обласканный и заляпанный
“любовью”.
А тот вдруг лихо тормозит,
за волосы ее
и в кювет.
Все как миг.
Плывут по небу синему
белые, как дома, облака.
Девочка еще вчера
со школы шла...
А дома грядки, и младший брат,
папа умер от водяры,
а маме — кайф.
Новые мужчины в доме.
Новый телевизор в коме
бесконечных топ-реклам
и выступлений
политиков.

И каждый из них —
спаситель Родины,
и гений —
жизнь отдает
свою народу как пачку денег-премий.
А облака плывут, плывут,
и слез нет на лице,
и, вдруг,
щемящей болью
там, в груди, душа:
— О, Боже мой!
Мой братик, мама!
Как же далеко я зашла...

26.01.1213.

Бездомные дети
у костра
близ моста
могучего Днепра, идущего
к морю синему и красивому.
Дети жарят на костре
свою еду,
пьют пиво,
а кто и водку.
И в бреду
лежат в траве
те, что нюхали клей и ацетон.
Им уже не до еды,
не до мечты
к морю Черному, но синему,
дойти.
Дети ведут неспешный
разговор —
где добыть денег?
И костер бросает искры вверх.
Темнеет.
Скоро ночь.
Кто-то уйдет по городу бродить,
а кто-то будет спать.
Какие им приснятся сны?
Слышь ты,
миллиардер, народный депутат?
И скоро дяди подойдут,
кого-то на ночь заберут,
и будут там кино
снимать,
и будет секс.
За это платят.
Но не всем,
кто подошел для этой роли
важной.
Слышишь ты?
Министр ментовский, главный?

А твои дети подойдут?
Спроси тех дядь,
что бездомных деток
ведут на половую связь.
Костер горит.
А вот и дядя.
Он первым забирает Влада.
Второй уводит Настю —
ей вчера было двенадцать.
Серой лентой в километр
воды тащит тяжело
воспетый Днепр.
И в каждом городе
бездомники-бродяжки.
Есть Премьер-министр
и Президент,
если их и можно так назвать,
то лишь с натяжкой.
А там — Давос, ООН,
Евросоюз,
Россия сзади.
Впереди дорога на юг.
И газ, и экономика,
и новый кризис.
Богатеют миллиардеры,
да и не сюрприз это.
Партий, как дивизий
в мировую.
Политика, политика —
в глухую.
А дети исполняют волю
извращенцев.
Спят под мостами,
в подвалах,
и зачем-то
идет реклама
новых БМВ —
срывает газ уносится...
Великий грех стране.

И можно ли назвать страной,
ту территорию,
где дети бездомные
играют в сексе
взрослым дядям роль...
Сколько лет нам нужно будет
смывать кровью свой позор?..
И от ответа за все это
не спрячется никто —
ни верх ни низ,
ни простой смертный,
ни министр.
Ответят все.
Пред Богом
все равны.
Ответят за любовь,
что дали с неба в
души всем.
И что те души?
Что они?..

26.01.1213.

Сегодня церковь
покрывает власти все грехи,
наверное, прощает их.
А ты, народ, простишь?!
Прости!
Хоть в церкви многим
властолюбцам
“анафема!” нужно кричать.
Но владыки с ними вместе
за столами в ресторанах
часто сидят —
свадьбы, юбилеи.
Им поют попсовики,
цыгане, шансоньеты.
Они вместе едят и пьют,
и веселятся.
Друг мой!
Молись за всех.
Мы все больны.
Мы сделали антимир
из большой страны.
Одна шестая суши часть
легла под сатану опять.
О горе нам, беда!
Мы плохо помним
самого Христа,
Его слова.
Мирскоземные нам дела.
Они забрали время всё,
и сила вся
на них ушла,
для власти и богатых,
для себя.

27.01.1213.

Желание чуда веры,
тайного знания
и открытые двери в даль,
где мы видим, хотим
все события будущего.
Но дым неверия
все заслонил.
Мы, как дети, хотим.
Ну, скажи!
Ну, открой!
Покажи,
кто придет?
Кто падет?
Кто герой?
Нам Библии мало.
Нужны чудеса.
Цирк фокусов
в церкви Христа.
А что нам те тайны веры?
Случайны
мы часто в церкви,
случайны.
Нам Библии мало.
Истории мало.
Нам бы в щелку
вперед посмотреть
без труда и с задором.
Мы, как язычники
у самовара.
Страшные сказки,
про ужас миров,
откуда приходят
к нам на порог?

Ужасные страсти
щекочут нервишки.
А вера?
А вера?
Взрослые люди,
а дикость мальчишки.

27.01.1213.

Летают птицы, летают
над могилой разрытой твоей,
и столетние дубы
проводжают тебя в путь,
как журавлей.
Летают птицы, летают
над лицом твоим добрым
в гробу,
среди роз, что не увядают
на морозах первых в снегу.
Летают птицы, летают,
и снежинки первые вниз,
И тают, и тают, и тают
на щеках моих
без слезы.
Слезы Бог посылает снегом
проводить тебя в далекий путь.
Я был сын,
А может, и не был.
Время то уже не вернуть.
В моей памяти крутятся
диски
из глубокого детства начал
до этой могилы разрытой...
Ворон в небе кричал:
— Он мой брат! —
ворон знал,
что я потерял причал...
Был я сын,
а, может, считался
в редких встречах
десятков лет.
Но любовь моя к тебе, мама,
не ушла с тобой.
Нет!..

27.01.1213.

Нежность любви сверхвысокой —
великая тайна,
как и тайна рождения Бога.
Я не задаю себе эти вопросы,
проникнуть во все тайны,
хоть, может быть, хочет
разум играющий струнами
мне
вне меня, а там в голове,
где тоже все в тайнах,
и не случайно.
Значит, так надо.
Я не задаю уже эти вопросы
и мудрецам века сего,
ибо несносно
слушать неправду
превращенную разумом
в научные истины.
Я принимаю мир летящий
в космосе древнем
вокруг звезды
нам светящей.
А все, что мы знаем
о ближних планетах,
это лишь видно,
не более.
Где-то умные головы
пишут трактаты,
что-то о ближних,
а что-то о дальних мирах.
Туда б полететь!
Но мы умираем духом.
Опять нас придется
таким же, как мы,
потребителям благ
истощенной Земли,
и злым во сто крат,

и коварным, недобрым,
проклинать, ненавидеть
и память развеять.
Планета не сможет
удовлетворять
все растущие потребности тела.
А тело не сможет себе
отказать,
стать аскетом,
и жизнь по-другому принять.
Тело привыкло себя одевать,
возить, ублажать, жрать
и гулять.
Тело — мажор, а душа
и есть Бог, то есть часть Его,
что не сможет терпеть
извращенную плоть
ещё тысячу лет.
А выход какой?..

27.01.1213.

Взрослые дяди
и тети взрослые
играют в бандитов,
мафию-профи.
У них получается.
Ум возвращается
с раннего детства
в подворотне, что по соседству, —
там первые уроки
жестокого зла
жизнь дала.
Профессионалы убийств, грабежей —
из самого дна,
на дне бы и быть.
Но эпоха другая,
и век спешит
их поднять не на штык,
а на щит
в венке лавровом,
с медалью
и звоном церковным,
и “многие лета”
не раз им пропеты.
Мафия сверху.
Выше — небо,
ниже — клетка,
но им туда не попасть никогда.
Так они думают.
Ха-ха-ха!
Их клетка надолго.
Они знают где
место то уготовлено.
Не на звезде.
...Огонь в лесу, пожар,
страдают люди
и угар травит
всех, кто рядом,

но они борются за
каждое дерево,
за каждый куст,
не думая о себе.
— Ну и пусть! Они герои, —
говорит министр-мафиози. —
А я сильный и богатый.
Я правлю страной,
где с нами антихрист рогатый.
И мы его держим,
и посмотрим еще
кто кого!
Мафия правит бал
по горизонтали и вертикали.
Люди мечутся,
а я устал
им говорить.
Мне не верят.
Но я воин,
и могу еще не раз повторить.

28.01.1213.

Трупы, трупы по Донбассу.
Трупы в Крыму,
где благодатно.
Трупы в Одессе
и во Львове.
Трупы в Киеве
и Приднестровье.
Криворожские могилы.
Всех бандитов хоронили
как секретарей партийных
из эпохи совдепийной.
Ну, а многих — по отвалам,
лесополосам, канавам:
жгли и резали на части.
Двадцать лет
труповозняшка.
Всё за деньги —
власть и бизнес,
жизнь красивую при жизни.
Дерево сажать в Донбассе
нужно очень осторожно.
Страшно: бах ты, вдруг, лопатой —
кости, череп —
у поселка,
где шахтеры
ждут погоду,
чтобы всё опять вернулось,
коммунисты бы проснулись
и восстали вновь стеной.
Коммунисты — все горой
за эти деньги,
что стреляют.
Комсомольцы — в бандах.
Знаешь, дядя от мартена,
кто свернул Союзу шею?

Ведь не ваши воры,
что лежат давно в коморе
мира, под землю, глубоко.
Коммунисты и есть
то шобло, что
предало вас всех вместе,
и с бандитами
все спеты,
и собрали миллиарды.
Собирают дальше, гады,
и стрелялки их стреляют,
и стрелять будут.
Как долго?
Пока люди не проснутся
и не возьмут
рога их в свои руки.

28.01.2013.

Партии и лидеры
у нас
как от кутюрье —
штаны, щтиблеты.
Лица их в большинстве своем
ужасные, отпеты.
И газеты их, газеты
краской черной мажут пальцы,
а словами пронимают
до глубины сознания
и остаются там уже навек.
Сны давно не снятся людям,
только человек,
что зовет всех в завтра,
в утро,
где достаток для желудков,
где постель под крышей дома —
всё уютно и знакомо.
Человек уходит, снова новый быстро встанет,
и опять всё то же.
Помянет “попередников”
мотыгой,
или сапой тихой
в рыло.
Сны не снятся даже детям.
Идут кошмары
как ракетой:
то с абортот части где-то
копятся для кабинетов,
чтоб кормить
стаю править вновь пришедших.
Да и женщин потребляют,
кто потолще,
и в сарае
вялят, варят, заливают.

Волосы сдают по баням,
чтоб висели скальпы.
Страх!
Сны ушли.
И при делах все крутящиеся
в доле
от антихриста, что вволю
раздает себя всем справно —
вправо, влево,
и нахально
сунет пальцы в рот людям.
Я плюнул в морду,
и попал.
А тут мент ко мне летит.
— Ты стрелял?!

Нет, не я.
Нету патронов,
нету пушки.
А так, звоном чуть,
церковным, попугать,
да поплевать.
Нет страны, едрёна мать!
Разделили кто что взял,
цапнул лихо, оторвал.
Остальным — лишь
флаг и герб,
что страна, мол, есть.
Но неправда.
Нет страны.
Растащили пацаны,
и оставили лишь трубы,
чтобы газ гнать,
воду,
грубо обдурить не раз,
деньги, деньги собирать.

Мне приснился сон:
мы в январе свой хлеб доели,
и все газеты написали
нам об этом.
Дальше — голод?
Но не будет.
Много снега, льда,
и пузо можно будет
забивать,
а потом весна опять —
будем мясо жрать...

29.01.2013.

А мы то думали, что есть
у нас страна.
Страны давно уж нет.
Лишь территория одна
разделена меж олигархами
и “семьями” бандитов.
А мы все думали, что
мы великие.
Нервный смешок из зала:
— А мы на выборы ходили,
избрали, бюлетени все
заполняли и в урну их бросали.
— То театр, ребята.
То вывеска и бутафория
для мира.
Хоть мир знает и так.
— А что Россия, Казахстан?
— Там еще хуже.
Там все на зоны,
и с Азии мигранты
отхватили земли аж
по горизонты.
Там всё, как здесь —
писец-писец,
но не тот, что мех,
а тот, что конец.
Так, ещё барахтается кто-то,
ведет невесту под венец,
домишку строит,
берет кредит,
но где живет, и где будет жить?
И как назовут страну потом,
когда всем в мире
станет ясно, что облом
на одной шестой?

Страну то назовут,
и править будут,
и будет люд.
Но это будет другой мир,
другие песни
и кумир,
как лет сто назад.
Сегодня только маскарад.
Но деньги крадут дальше
все у нас,
как будто-бы чума у них.
— И что за масть?
— Антихрист это, дядя,
дьявол.
Вот станция
пока конечная.
Куда ни глядь —
антихрист, дядя,
а ты думал, что просто
наши двинулись с мозгов.
Это похлеще, блядь!

29.01.2013.

Я свободен.
И только власть Бога
всегда надо мной.
Но она не жестока,
а как у сына с отцом.
Бог посещает меня
в те минуты,
когда дела мои гнусные,
и страх Господень меня
отрезвляет.
Я понимаю свой грех,
и страдаю.
Бог посещает меня
в те минуты,
когда дела мои светлые
и милосердно добры.
Я счастлив и рад
той поры и времени час.
Я рад от присутствия Бога,
и глаз Его весел и рад за меня.
Я долго счастлив.
— Хранит Он тебя, —
я себе говорю. —
Выбери путь, где
цветы лишь цветут,
уйди от плохого в словах и делах,
будь верен Отцу,
как и Он тебе.

Прах времени, нечистоты суеты,
скорбных, нераведных, оков пустоты
тряхни
и найди острова, где цветы, все цветы,
между ними тропинки
по топях болот.
Имея волю,
их ты пройдешь,
на островах отдохнешь...

31.01.2013.

Белые острова
по темной земле.
Снега остатки
от оттепели, что в зиме
силой южных ветров
с жарких морей
согрела снег
вместе со льдом.
И капель
в лучах солнца
с крыш
как весной.
Посредине зимы
снег исчезал,
таяли льды.
А мы в радости
воздуха,
где слышен моря прибой,
забыли, что холод еще,
и влюбились с тобой.
И не замечая,
что ночью мороз,
мы целовались неистово
и расставались
как только кто мог.
А любовь среди
белых островов
оставшихся снегов
осталась с нами, не ушла.
Потом был снег
сплошным потоком,
буря и метель.
Мороз гулял,
и было много у него дел.
А мы любили как никто.

Мы даже не заметили
весну,
и что
затерялись в мире,
где не играет роли
время года
и время суток.
Что день, что ночь
всё в поцелуях
и словах,
и сияющих глазах...

31.01.2013.

Абсолютизация абсурдизации
столпотворением понятий
запутанных партий
бреханизации, зла
и клеветы.

Это стало привычкой,
и ты не понимаешь,
что здесь с тобой.
Может, так надо,
а ты больной?

Может, учился в школе не той?
Может, книжки читал,
где придуман герой?
И грани абсурда и дурости
глупости

стерлись как ложка
из простого металла,
когда масса людей,
где-то в глухих лагерях
ею еду поглощала.

И не один и не два
так товарища,
а основная толпа,
что бахвалится, хвалится
мерзостью мысли
посеяной в жизнь,
и в результате
всходы сошлись
плотной змейкой
удобренных злом
полей,

где
столетья глумимся собой.

И где-то и кто-то
вдруг с мыслью
другой,
чистой, похожей
на неба покой,
но принимают слова
те в штыки.
Могут убить
или в тюрьму посадить.
Но я не дома,
а в крытой тюрьме,
можно на зону,
в лагерь, где мне
жизни не хватит
кого-то исправить.
И сам заплетаешься
дурью окраин
воспаленных собраний.
Сто лет бытия!
Сколько людей
ушли в никуда.
А газеты все пишут и пишут
абсурд.
Брешется в радио,
врёт телепродукт.
Брешется в документах,
что должны быть Закон.
И я постепенно
теряю ум свой.
А что если Библию
в руки возьмут?
Под себя перепишет
ее этот спрут.
Имена все заменят
и слова, и слова...

А голос мне сверху:
— Не волнуйся ты за Божьи слова.
Слово Господнее...
Сегодня в нем только честь,
правды и истина —
ты сохрани
ее в целости
и другим слова из нее Расскажи.

31.02.2013.

Із зарозумлених мізків
від дум тяжких,
але пустих,
стікає гіркий піт
зі слів,
що як отрута
для мізків
інших,
що читають.
Стиль —
не сміх,
а плач,
який не зцілює,
а ще й хворобить,
бо розум той простий відводить
від слів святих
до філософії із тих,
що пнуться розумом своїм
світ підкорити, в міжжяніг
його схилити і встромити.
І через зарозумлених ділків,
що слово продають
як дим ядучий чорний
чи тротил,
так тяжко всім,
хто під горою
десь внизу,
а на горі філософи гризуть
граніт пустелі від наук.
Від них і вухам клопіт
та ще й біда для всіх,
і радість для диявола.
Так, так.
Він чавкає весь день
такі слова і потім
випльовує по світу.
Де правду діти?

Хочеться розумним сісти
при столі
десь біля трону
і словом плутаним
царю доставить втіху
від підданих підлеглих
мудрагелям всесвітнім.
І свічка в них горить
лиш на потіху,
заради себе і гордині серця,
а люди, Бог для них —
не є.
І святість їхня — то пuste.
Лиш гроші, гроші,
нагороди
штовхають розум
в переброби й дріжжі,
з брагою мізків
дають той гіркий піт.
Літ багато.
Сиві скроні,
уже прим'яті і долоні,
і очі бачать все в туманах,
а жадоба б'є до слави.
Слава! Слава! Слава!
Але ж робіть собі,
і пийте піт своїх мізків.
Та як же без людців,
без їх бажань, без їхніх слів,
що сплетені не із степів,
а із пустельних марев
жахливих снів?

31.01.2013.

Может быть не нужно было
мне писать о всем, что было,
и о всем, что знаю, видел,
о том, что понимаю.
Не праведен, не свят,
грех бежит рядом со мной рекой,
мой грех и серая вода
как из чугуна.
Но ложились на бумагу
строчки боли и отваги
с грустной нежностью любви
и к стране,
и к людям, что брели
рядом, дальше, незнакомым.
Все заполнено любовью.
В каждой строчке
хоть и боль, но
любовь, любовь, любовь.
Я боялся Бога больше,
чем всю власть, что
в заготовках
для себя богатств несметных,
а простой народ — консервы,
мизер пенсий и зарплат.
И все газ, и газ, и газ...
Хоть с него для власти — клад,
но болтают, врут все вранье.
Не писать я бы не смог,
воин я,
хоть и без ног.
От прошедших войн без Бога,
им обласкан и уложен
в тихий угол мира зла.
Видеть всё, но и борьба
моя
лишь слова, слова, слова.

Правды реки, ливни, дождь.
Правда, где недочеловеки
делают с людей крепёж
для машины постСССРа,
чтоб тянула лямку дела
и не знала, не смотрела.
Времени в обрез на дело.
Тело падает усталым.
Совість и мораль украли
и закрыли по пещерам
под охрану чертозверя.
Не добраться без Христа,
без молитвы и поста.
Я писал, огнём пылая,
огонь сеял, пожиная
часто в лоб слова лютые,
чем рукою по плечу,
мол, ух ты же...
Я писал, не перестану,
пока сердце просит
планы
зверя мира победить.
Я пишу, молюсь.
В этом цель моя и жизнь.

31.01.2013.

Я когда-то мечтал, что меня
похоронят
на площади Красной
в Кремлевской стене.
Прах, пушка с лафетом,
и море цветов.
Плачут старцы страны,
генералы, народ,
и особенно дети.
Но всё не сошлось,
времени мне не хватило.
Лопнула ось, что крутила
пятнадцать стран-государств
ЭСЭСЭРА,
и все разлетелись по избам,
хатам, углам и аулам.
Границы построили.
Ой, я умираю!
Тумана и глупости дури
так напустили
правительства стран, что свинтились
с общего вала
на свой ВВП.
Старцы кремлёвские умерли все.
А по земле старцы и бандиты.
По миру поехали
воры-коммунисты
и комсомольцы — воры-аферисты.
Мир принял их в сытые хаты свои.
Миллионы там их отдыхать прилягли.
И бедные люди, что моют и трут,
чистят, выносят мусор
и пьют по вечерам на родинах, — их
близкие, дети.
Эх, разлетись!

Мчится эскорт
какого-то бонзы
по улице главной столицы,
где полные лужи воды от дождя,
(то ли Ташкент, то ли Минск).
и ты гля... —
машины, машины в лаковом блеске.
Лужи чуть портят их.
А за занавеской
сидит то лицо,
что провалом времени
вылезло из погребя
и попало в безвременье.
Правит он нами,
неправит он нами.
Но нет стран, а есть
лишь реклама,
что в телевизор девок
пускает грудастых, красивых,
и ног бесконечность.
А ночью эротика, порно
навечность,
и пиво, и водка, и вина каналом.
Жизнь изменилась,
а стена та осталась.
Коррупция страшная —
всё продается:
должности, медали,
и на погостах
местечки в шикарных аллеях.
А я вновь мечту мастурбирую
фонаря:
я деньги собираю денно и ночью —
купить в стене Кремля
место вместо погоста.

Всего-то — выбить оттуда
два кирпича.
Но это тайна.
Глубокая тайна моя.
Есть договоренность в Москве,
но чтобы ночью,
и втихаря...

31.01.2013.

Газ, газ, газ!

Фу!

Брязь, брязь, брязь!

Ой!

Газ плохо пахнет для тебя,

а олигархам, власти —

брязь да брязь! —

слитки золота в лапу.

Хрясь!

За газ можно и сломать.

Бух! Бах!

Стальная дверь тюрьмы.

За газ сидят,

и Юля, ты.

А тут гешефт фартнул

рулям,

компания “Шелл”

контракт сдала.

Мы подписали, суетсяь.

Сланцевый пойдет

нам газ,

и олигархи уже

хватать, хватать, хватать

проценты от контракта.

Бля...

Чернобыль новый мы

построим,

намного больше мы

людей, земли зароем,

отравим воду, землю, воздух,

а газ уйдет с мартненов,

химзаводов

на экспорт за евро и доллар,

а тут — пустыня жизненная.

Бля!..

Если им денег мало,
и родины здесь нет,
печатайте им гривны,
самосвалом
свозите в офисы.
Брязь-брязь! — борт самосвала,
и уехал
за новой партией “конфеток”
для другого коллекционера
по баблу.
А газ тот забывать не нужно.
Я прошу —
спасите и так уже
раненую, на одном крыле, страну
с Чернобылем на спине
на тыщи лет.
Кричу! Прошу! Зову!
Спасите для моих и ваших
маленьких детей
страну!

31.01.2013.

И снова беспокойно,
но нет страха.
В парламенте вот-вот
должна была начаться драка,
но оттепель спустилась
на морозы,
снег начал таять,
ручейки воды.
Природа сняла истерический накал
с голов,
а тут еще и дождь средим зимы,
и слышан некоторыми депутатами
как-будто рев коров,
и с ними бык ревел.
Но было пусто в зале,
молчали кулуары,
и пахло все прелым сеном.
Спикер укатил на родину
с прицелом,
что я, мол, не при чем,
к этим ослам,
что будоражили электорат
то тут, то там.
У Миши от всего промокли ноги,
Наташа обошла все лужи на дороге,
а Маша испекла печенье,
и по телефону мне снова
говорили: гений, гений!
Но голос был хороший
и приятный.
Я не узнал его,
может быть,
какой-то друг вчерашний.

В парламенте в субботу
был суботник
из трех частей,
как зонтик.
Коммунистический вначале,
потом региональный
как с бульвара.
И оппозиция из трёх частей,
но то уже других,
не первых.
Давили кнопки.
Каждый за себя.
И нервы снова
подгуляли в половины —
давили и кричали:
— В чем мы повинны?!
Мы честно жмём на эти
пианины,
а тут еще субботник,
и единый!
Но спикер рявкнул,
президент поднялся
и тоже придавили.
Но дверью.
“Яйца,
что мешают танцевать,” —
так говорил наш президент опять.
Яйца упали в виде неприглядном,
а депутаты, испугавшись,
старались и давили кнопки —
все-таки субботник.
Старые традиции
вновь возродили.
Забор потом чинили в Междуножье.

Жарили шашлык
и пили, что хотели.
Мне тоже дали чуток мяса
и гантели,
их выбросить
в чермет хотели,
а тут я появился —
момент!
Заместо премий и медалек —
десять килограммов.
— Поднимайте! —
сказал мне сам,
что главный
в Междуножье.
И я поднял и опустил,
но спикеру, на ноги.
Он крикнул, охнул.
Обошлось...
Гантели мне всучили в руки,
и за порог.
И просит оппозиция еще
законы соблюдать,
чтоб было всё.
А так — претензии
по Юле, Юре,
кто-то, единичный, призывает
к перевороту факто-юре.
Я не хочу менять опять
нашу власть как мыло на наждак.
Менять хочу систему.
Но кто за это?
Строить новую страну,
правдивую,
и честно.

Оппозиция молчит,
ей орден запретил
на эту тему говорить.
А я все говорю,
гантели поднимая.
Я тренируюсь для борьбы
с собой
в коровнике или сарае.
А оппозиция зациклилась
на микро,
а мне нужны все мега,
да ещё и быстро.

02.02.2013.

День проходил как-то
вяло и тоскливо.
Жена пятый раз
мне что-то одно и то же говорила,
я улыбался, но понять не смог.
Глядь за окно — там козырек
и сосед, что в команде
мера Чертовецкого украл
многие и многие —
(да не лета!) —
миллионы.
Они все верующие,
церковь свою имели,
может, даже оружие, патроны.
Сейчас сосед всё прячется
между ногами жены-модели,
а может быть влюбился в самом деле?
По телевизору премьер страдает.
Международный валютный фонд
страной гуляет —
идёт проверка
по шаблону:
дать кредит опять
или пообещать солому
для ремонта крыш
в музеях украинской хаты.
— Да дайте нам кредит!
А крыши в музеях
мы покроем еврочерепицей,
мы богаты!
— Шо нам та солома,
шоб ещо сгорела?
Премьер волнуется на самом деле.
А может денежку собрать
генпрокурору Шилошпонке
заместо уголовных дел
по поднадоевшей им девчонке?

Собрать у Чертовецкого с бригадой,
других чертей, что олигархами
здесь правят,
пройтись-ка с миром
по антимиру
с железа кованными корзинами
и положить туда один процент
того, что стырыли.
— Момент! —
мне говорят менты. —
Ты тоже тырил.
Положи!
А я бочком, бочком,
да в туалет
тишком,
не зная как посадить себя,
родного всем великим,
на унитаза.
А тут и мент,
да с бритвой:
— Давай, сука, откат,
потом садись, великий,
на свой унитаза!
— Да мне не нужен унитаза,
я не хочу...
Я так... Чисто отдохнуть,
типа — собраться с мыслями...
А мент мне снова
бритву к горлу:
— Придумал как страну спасти?
Умный, глядь.
Кати откат!
И я катнул мента в окно.
Этаж седьмой.
Мне все равно.
Спустил я воду раз пятнадцать,
хмель от мандража исчез.
И тишина...

Никто ко мне не рвется
хапнуть.
Я вышел в коридор,
а там жена, одна.
И понял я, что перебор:
не было мента!
Никто не требовал откат.
Я просто много выпил —
решил тоску развеять...
Во, дурак!
Себя так напугать!
А телевизор говорит
про фонд валютный
нам опять,
и коммунисты с флагами
и долларами на счетах,
в карманах,
ведут электорат
протестовать
против кредитов.
Ну и денек-то, бляха!
А начинался вяло, скучно.
И я решил его разбавить
чуть водярой.
Но уже вечер, ночь —
всё позади.
— Иди ко мне, жена,
иди, иди!
Чего ты жмешься, рыжая?
Лучше молчи.
Я счас отработаю грехи.
Ну, выпил лишнее...
Прости.

02.02.2013.

Горячка белая-белая...
Но не такая нежная
как метель снежная.
А мне тут капельницы
который день,
колют и поят
лекарствами.
Лень
перевернуться на бок другой.
А в глазах — водка,
и я молодой.
А ты, санитар,
не будь скотиной,
налей мне спирта
от медицины.
И выпью я за всю страну,
чтоб не сгореть ей
и пахану
в потоках водки и вина,
что льются к нам, больным,
в дома.
И не жалея ты мне, сестра,
в халате белом
чудеса —
бутылка водки и десерт
тело твоё,
как мой буфет,
где я варенье в детстве ел,
где были орехи,
а за окном метель
со снегом белым
целый день.
Сейчас горячка, не метель,
но тоже белая.
Налей,
и не жалея!

Я за страну и за людей,
за референдум
и констсуд,
за прокурора —
мне срок дадут еще не раз,
я счет им потерял.
А водка по стране с шансоном,
стране, где счастье белым домом
в красивых снах.
И капать мне лекарства
хватит.
Я жить хочу, как
те, с мандатом.
Да не ругаюсь я, сестра,
мандат — документ,
а не та,
что ты подумала сама.
О ней не думай,
а налей.
Шансонье страны, звезда,
лежит в горячке,
и, когда пройдет
налёт этот врагов,
я петь и пить хочу,
а так — здоров.
Уймите этих докторов,
пусть лечат тех, кому болит.
А мне всё — по фиг,
только водка в глазах
и шансон в ушах звенит.

02.02.2013.

Господа правители!
Я хорошо вас знаю,
с длинными, не как у людей,
с ментов доточенными
руками,
и шарят эти руки почти везде.
Пыль в ваши глаза
пускает окружение
льстя,
и вы не видите,
оставляя часть
девственной страны —
это наши луга, леса,
где можем мы спокойно жить,
любить, писать стихи.
Время подошло тяжелое —
кредиты возвращать
за вольницу.
Я знаю как сорили вы деньгами,
теперь вот пояса тянуть
опять
вашими длинными руками.
Нет!
Не получится.
Народ пустой.
Придется вам самим себя:
ментов-садистов много —
убить, пытать, зарезать,
изнасиловать
ножкой от стула
женщину несчастную...

Какая ужась
и ваша участь!
Жаль глаз,
что плохо видят,
а руки шарят, шарят...
Шорох неприятный
приходится нам слышать.

03.02.2013.

На частной лесопилке
я был замминистром,
потом на шахте-копанке
служил юристом,
работал бухгалтером
в частном цирке.
Потом меня Кучум,
(он президентом был),
в премьеры усадил.
Там опыт был побольше,
да и деньги,
кто быть может помнит:
смотрящим я служил
в Нацбанке.
Потом сварганил партию-клоаку,
и выскочил в парламент.
Но верно я служил
отцу-Кучуму.
Тут выборы, революция,
с народом Юлька с
рыжих листьев хороводом
взнесли меня на трон.
А мне цирк снится,
лесопилка...
Так пять лет прошло,
спокойных и достойных
меня,
я — их.
Но людям я не угодил,
так они считают,
они ещё и яйцами в меня бросают.
Фамилию сменил,
теперь я — Протывсих

Вареник Дерунович —
член ордена закрытого.
Такая вот, вкратце, биография
жизни на фиг...

03.02.2013.

Алчность не появилась в нас
внезапно, вдруг.
Она была внутри,
и, может быть, это был наш бог,
один из богов,
которых было много в атеистов.
Но все стали верующими,
и, наверное, думали,
навсегда.
Но вера — это вера,
и дорогою по ней
идти о как не просто!
Аскеза жизни,
любовь
к Богу и ближним —
любовь, любовь, любовь
и жертва
собою, навсегда,
и скромность,
особенно в быту,
словах,
потребностях.
А так не вышло в нас.
И наша вера
оказалась всего лишь флаг,
что под солнцем, ветром и дождём
выгорел, прорвался —
и выбросили вон,
повесив новый.
И так потом опять.
...Ушла сегодня Маша вся в слезах,
и я был зол — уж эти мне истерики!
Она ребенок. Не могла стерпеть
разлуки боль.
И я почувствовал тоску потом,
и стало стыдно мне:
ребёнок от любви страдает,
а я его ещё и обижаю...

И что мне алчность,
а особенно чужая?
Ачны мы все,
и все об этом знаем:
гребём, копим, воруя, отнимая.
Мы совесть и свою,
и раздолбанной страны,
продали.
Сам чёрт её купил
за тот маршрут,
что проложил
для нас,
как модно говорить сейчас:
дорожной карты путь-абзац.
Мы потерялись в этом мире,
деньги нам глаза закрыли.
Чем больше капитал,
тем неприятности шальней,
но мы рвёмся к капиталу,
а все остальное — тень.
Мы всё теряем, что людское.
Мы потеряли Бога,
который вновь Себя отдал
за нас.
Он нам поверил,
а мы ушли в абзац,
который в трёпе политмира,
болтовне кумиров,
речах позиций-оппозиций
затянется уже надолго,
до смены поколений.
А, может, и не только.
Может, придёт варяг,
в железных латах,
при мечях.
Но крови не хочу никак.
Пусть лучше изойдут
все нечестивцы
как пришли,

но не через роды,
а кусты,
которые посеяли
учёными мозгами
создав антимиры
фальшивых вывесок рекламы,
где все красиво в панораме,
ну а реальность бытия,
как вера та, что
вся прошла.
Народ, очнись!
Сам от себя,
от золота, бабла,
от замков и дворцов.
Проснись, народ!
И алчности своей
ты преподай урок.
Шанс есть всегда.
На небе светит
хоть одна,
но каждый день,
звезда.

04.02.2013.

В предвесенний вечер
горит костёр
и светит пламенем огня
по кругу,
отражаясь в тёмных окнах
дома.
Я палкой ворошу
угольев красные одежды.
Пепел
на глазах темнеет,
ветер поднимает и несёт его
мне на голову, лицо и шею.
Я жадно и неистово
запах огня вдыхаю.
Горит берёза, срубили,
кому-то, вот, мешала...
Здесь всё мешает.
И мы мешаем —
то пенсионеров много,
то солдат,
а то и просто
протестанты,
что вечно недовольны всем
и “спатки”
не дают вождям нормально
с молодыми барышнями...
О, как их я понимаю!
Сегодня тоже встретил
под редким мелким снегом
одну...
Ах, как она смотрела на меня!
Я застеснялся, мимо проскользнул...
Здесь все мы — в антимире,
все говорим: “Прорвёмся!”
Всё прорываемся...

Но не вперёд,
не вверх,
не к солнцу,
а просто — холостые ходы...
Но все-таки нужны кому-то
наших ног и сердца
обороты.
...Она прошла.
Глаза её я помнил долго.
Но мне уже
не больно и не горько,
мне просто лень,
и кайфа мало.
Мне бы костёр еще разжечь
в начале мая...

04.02.2013.

Монастырские леса —
заповедная краса —
режет, пилит
новый враг —
сука-пила...
По селу, что Лесники,
люди ходят,
сквозняки.
Ветер дует и разносит
запахи от шашлыков.
И осень
вызывает лишь тоску.
Продано земли, лесов
для богатых Охлуев
миллионов на сто зелёных.
Строятся дворцы.
Природа превращается
в клоаку городской черты,
где сажа, дым, копоть
от машин мощнейших,
грохот, гул
и помрачение
нашего, и так короткого, ума.
Мы строим новый мир,
уничтожая старый
вместе с природой
Богом данной.
И кто крайний?
Наши дети...
А вчера, под ночь
и тусклый свет из фонарей,
снова вой пилы,
и сборище каких-то нелюдей —
режут двери во дворец,
где живёт оппозиционер
власти из орды восшедшей,
Класенко Сергей,
но честный.

Дом на миллионы,
тоже тех, зелёных.
И Крещатик, Днепр —
всё рядом.
Власть организовала
для жены,
с которой жил наш адвокат
долгих четыре года,
документы на полдома,
и пришли босяки
с пилой трескучей.
И жены, что выражалась
нецензурно,
мне было жаль
в игре
жестокой, негламурной.
Белый снег на город падал,
лёгкий вновь мороз
отрадой
после оттепели сильной,
а меня греет вновь Россия
Оттаможенным союзом,
в который мы,
наверное, вступим
после этих пил и краж,
и доходов, и дворцов,
где любимый депутат
речи острые готовил
для борьбы с ордой,
и богом стал для многих.
Мне не стыдно
за страну,
она — проклятьем заклеимленна,
и потому
с ней так ведут себя
почти что все —
от мыслителя до охлуя,
что говорить уж об орде...

P.S.

Серёжа, ты не торопись
на меня с обидой.
Ты — видный человек, публичный.
Но миллионы и дворец
на метров восемьсот — это писец.
Может, власть и врёт,
и нет там этих метров,
и сука, бывшая жена,
за деньги готова голову
отрубить человеку,
но ты полдома оставь ей
по решению судов советских,
а половину перепиши на
нищую семью, где десять деток,
и пусть вместе живут.
А деньги?
Плюнь, Серёжа, и разотри.
Идея главное,
и что внутри.
А дом тот не нужен был тебе.
Дворцы, Серёжа,
портят личность
и ведут её к трубе...

05.02.2013.

Печь дышит жаром,
красным, алым.
Изредка с него срываются
языки пламени,
не надолго,
и падают на жар.
Запах блинов горячих, чай.
Я не голоден.
И есть я не хочу.
Я вспоминаю маму
и молчу.
У нас сегодня по-другому всё.
Голодных много,
много дураков.
И стало модно будто-бы кому-то
лить оппозиционерам-депутатам
зелёнку в лица.
Недавно пострадали
Саша Бужель,
Сережа Класенко.
А мне как лужи грязные
и смрадные
все люди эти,
что льют зелёнку другим на головы.
Поверьте,
мне стыдно за постылость жизни.
Облиты десятки активистов,
редко мимо.
И некому зелёнки взять ведро,
щётку для побелки
и облить в верххате всё:
властителей, костюмы, кресла
и полы.
Облить зелёнкой
с криком детворы,
и освятить их рогом Сатаны.

Снег тает быстро, и дороги
все разбиты, раздолбаны, нечисты,
как будто-бы прошла война —
не снег с небес,
белая краса,
не мороз синий,
а с ним иней,
а снаряды рвались по Украине.
...А ночью снова снилась мама.
Я есть просил.
Она была упряма
и отказала мне,
и голод мой прошел сам по себе.
Сегодня я не страдаю
аппетитом:
я ем, чтоб жить,
а сыто иль не сыто —
неважно все.
Страну оставил одиозный
наш правитель —
плоховский мальчик,
сверху чистый-чистый,
но...
Уехал с миллиардами куда-то.
Наверно, книг он начитался
одного солдата,
и стало страшно —
увидел вдруг расплату.
Видение по нервам слабым.
Но не спрятаться от Бога
там и здесь,
ни в пилораме,
ставши вдруг бревном.
Придется стать пред Ним:
так было и тогда, давно,
так и сейчас,
и я боюсь греха.

Боюсь оставить шлейф из мрака
на детях своих...
Хватит всё о грустном:
учиться нужно у людей,
как жить искусно.
Бандиты, воры
смертью мрут
не во времени своем,
не от болезней,
а, часто, пуля по виску
и красной становится одежда.
Хоронят их в монастырских стенах,
на кладбищах с монахами
и рядом,
за деньги, или так, подрядом.
И это не спасёт.
Грех в душе, который прёт,
несёт.
Душа летит.
Куда?
Может быть, наоборот?
Но тело то сгниет.
Тело — прах...
Поют и молятся в церкви о душе.
...Придумать можно много,
но не к весне,
не к лету, что Господне,
к Воскресению
и Пасхе,
что так скоро...

05.02.2013.

Осінь холодом, рососою,
що не сходить цілий день.
Листя облітає рідко —
голі гілки дерев.
Біля входу на кладовище
могила братська,
з війни іще,
і хрест дубовий,
високий,
поставили при огорожі.
На ній ікона — Божа мати,
і рушник білий полотняний,
вишитий чорними нитками.
Я підходжу до могили,
плити із граніту.
Мовчки вчитуюсь в
імена, прізвища і рік,
що всім один дала війна —
останній рік життя:
осінь, тисяча дев'ятсот
сорок третій...
Останній рік
тут українцям, росіянам
та узбекам,
татарам, білорусам
та грузинам.
Лишилися тут навіки
діти,
що юними пішли
фашистів бити
за всю країну, що гнобила,
стріляла, різала,
що мучила й судила...
Але була земля,
і йшли життя віддати не за царя,
що Йосип Сталін,
а за свою країну.
Душа болить...

Який же паразитний світ
сьогодні,
де теж катують, убивають,
де крадуть, брешуть
і вітають, як і там, колись,
зі святом.
Думки мої, думки,
ви жити не даєте вже мені!
Як із вас зробити
всім програму Правди,
де любов понад усе?!
Ворог наш сьогодні тут,
всередині,
ссе кров і буде ссати,
а ми вже, наче, й не солдати,
а піддані, раби,
добре ще, що хоч
в своїй ще хаті...

05.02.2013.

КАЛЕЙДОСКОП ЦЕЛЕЙ

Просроченный телепродукт —
испорченный продукт,
но журналисты с хозяевами
все его кладут и подают.
Для неугодных, умных, спорых
это как яд.
Но его гонят нам опять,
чтоб обболванить всех смотрящих,
забить всем мозг дуристикой
и кашей из кухонь политических
лжепартий,
где шоу на смерть,
но не им.
Они гуляют, пьют вино,
и грим
на их лице и теле,
чтоб не старели и гуляли,
и дальше обелить для рая
людей, что масть их — власть,
но в чистом виде — для себя,
чтоб красть и властвовать
несчастливым, а, может, скромным,
тихим.
Красным знаменем
машет старенький мужик,
чуть пьяный,
тоже красный,
и стоит он здесь в праздник,
дней пятнадцать,
будоражит ум людей.
— Что за праздник?
— Да это в красных.
Я не знаю.

Может, где-то
взяли первого буржуя,
отобрали рябчик...
Фу!
Я отвернулся.
Стало неприятно грустно,
даже жалко старика.
— Проснись-ка, парень!
Пока ты где-то ночью лазил,
памятник построен
очень
важный коммунистам:
ветеран и знамя рыщет.
— Да не рыщет!
Реет.
Глупый что за люд безнаукий!
Он стоит из пластметалла,
флаг в руках, и машет браво.
Завтра ставят регионы
всех министров,
считая тех, кто за кордоном
родины великой
тратит капитал ворючий.
Гадин выставят по центру
в синих куртках, флаг,
проценты, что идут ему от дела
по стране, что захирела,
хрен кто знает почему.
— Я то знаю, но молчу... —
так сказал мне в ухо
дядя,
что сидел на стуле рядом,
продавал он сигареты.
Я тоже в тот день торговал,
но другой я гнал товар,

да и к делу это
не имеет отношений.
Захиреть можно от мнений,
их невесть как много стало —
все всё знают,
и достало всех
всё в стране.
Телевизор или газета,
глянцевый журнал,
да просто пресса, —
все на службе в олигархов
моют власть для рая.
Гадко.
Плохо.
Не смывают.
Нам то видно,
оставляют много нечисти
в середине.
Нечисть та с рожденья была.
А бульвар дымит автами,
пробки, давки.
Девки с нами
в джипе сером и тяжелом.
Пьем здесь ром, и частоколом
зубы белые с окна
тем, кто топает с темна
черт-те знает сам куда.
Но несет его волна
по событиям пройтись,
но все события сошлись,
и давно все разошлись,
основные,
с капиталом и разделом
сфер влияний.
Остальное — для несчастных:
о попсе, что нервно скачет,
и о красках для волос

старых активистов-поп,
чтоб скостить лета назад.
Ха-ха!
И звездопад:
каждый день по сотне
штук.
Крыша едет.
не сомкнуть глаз своих,
и не уснуть,
разве только вечным сном.
Жизнь коротит
тот облом,
что на шоу беспредела,
что на шоу, где умело
дурь вбивается в башку.
Выпью водки.
Полежу.
Вспомню Маркса “Капитал”,
я его и не читал,
слушал лекции, листал,
вот поэтому отстал
и отпал от авангарда,
что рванул вперед
от гада красного
к другому,
тоже гаду,
но здорову
по размерам тела, лап,
головы, зубов:
хап-хап-хап! —
кусочий, рвет, что видит,
и могучий
трон его и власть советов
городов и сел —
об этом я не буду,
все шпионят.

Тоталитарит гад и шмонит.
А я к девкам молодым —
тружусь
на рынке секса,
но не ударно:
нет призов здесь и медалей,
только больно часто
от заразы, что
несчастный захватил
винтом на лопасть.
Вот, бля, жизнь!
Глазами хлопать
нужно было бы потом,
а ты таял и пошел.
— Гриб под снегом я нашел!
— Не бывает,
не трынди!
Снег, мороз,
а где грибы?
Они сгнили с листом вместе,
хвоей и травой.
— Известно, ты всё знаешь,
умный очень.
— Я трудяга,
но с обочин,
что мне знать и видеть
здесь?
Темный лес.
Ему конец.
Режут, пилят, продают.
Строят дом,
потом сдают
нам в аренду,
если деньги есть на лапе.
Денег нет —
считай, пропащий...
Капитал.
От него народ устал.

Он — сыр с маслом
для бандитов,
что правят здесь так лихо,
что мы под ними
еле дышим...
Капитал.
Карл Маркс всё описал.
Но кто его читал?
Мы постигаем его шкурой:
кому-то нравится так жить, кому-то — нет.
Но страшно ведь...

06.02.2013.

Одна крайность на другую сменяется.
Она — комсомольский секретарь
когда-то.

А сегодня — ее дочь проститутка,
да еще и в порно с
тяжелым оружием снимается.
Идет дождь на часы тоже,
стекло треснуло,
вода по стрелкам стекает
и в механизм попадает.

Ну и что? Часы
не работают с перестройки.
Школа осталась в минимуме,
а все бывшие классы
и кабинеты
сдаются под бизнес.

Летний день. Воскресение.
Тепло обволакивает
и успокаивает.

Но, вдруг, на третьем этаже школы
открывается штора
и девушка обнаженная
окно долго закрывает.

Мы встретились глазами.
Я почти люблю её...

Но там, в бывшем классе,
лежит шеф её фирмы
на диване.

У него дома жена, внуки и дети.
Он догорает по жизни
и делает мелкие успехи.

Эта девушка его последние утехи.
Я нервно достал сигарету,
смял ее,
и ушел вон —
ведь там мог быть я...

А первая порнозвезда
бежала из страны.
Её не спасла и мама
со связями в комсомольской среде,
что бизнес держит везде.
Дождь на часы который час,
мне их жаль, хоть они и стоят.

06.02.2013.

Ресторан придорожный,
мотель,
где с девкой
скрыться можно
в час любой.
В мотеле тишь да гладь,
только грохот автострады
да густой выхлоп из труб
тянет в окна.
Как я глуп,
что связался с нею сдуру!
Сколько денег, сил на курву!
Надоела мне, не в жисть!
Я бы устроил ее жить
здесь, в мотеле,
на работу,
но она вцепилась сбоку,
снизу, где карман и деньги —
не оторвать ее.
Сегодня понедельник.
Партсобрание в районе.
Секретарь
новый подгонит план
работ на этот год.
Тьху ты! Партия — банкрот
с флагом, гимном, чемоданом,
где валюта вся недаром
собирается со всего.
Голос в Раде или кино:
нищий с вещмешком
медленно бредет пешком,
мимо пролетают авто,
обдают дымом.
Когда-то здесь росли леса,
березы.
Теперь — дороги
и мотели.

Куда-то мчатся люди.
Угорели!
в ресторане подают нам
печень оленя.
Дураки и мы, и официант
с поваром.
Да что вы, в самом деле?
Вокруг — дороги, вонь, асфальт,
бензозаправки,
а тут — олень!
Из пластмассы что-ли, для игралки?
Моя подружка пьет вино
и ест,
ей — всё равно...
А мне — берёзы белые рядами,
что здесь, на этом месте, умирали.
А мне — сосна и ель с живицей,
их запах в летний зной...
Сторицей я отдал бы все
вместо этих авто, дорог, бензина.
Но мир тронулся, рванулся
в путь по кругу,
и только кресты вдоль дорог
на месте аварий напоминают
мне о временности этой бежаний.

06.02.2013.

— Демократия
непостижимым бременем
легла на нас,
а мы еще и верим ей
в этот неясный час...
— Чудак!
Демократия у нас
лишь для тех,
кто в жизни получил успех.
Ты понимаешь, есть два конца
у палки, даже гнутой.
Эх, голова...
— Эй, помолчите вы,
на полке, там, внизу!
Я ментов сейчас вот
позову,
и вы сознаетесь во всех терактах,
что не раскрыты до сих пор в стране!
— Пошел ты на фиг!
Иди, зови.
Я месяц с зоны,
и до крови
мне здесь свобода ваша,
и не в прок.
На зоне — хлеб, постель,
порой, смешок.
А здесь всё смурно,
и лишь гламурно смеются
чудики с экранов нам:
несут несуразицу,
и зовут юмором.
Зови ментов,
иди, чудак...
— Ой! — крик в вагоне сзади.
— Слышь, орёт...
Рожает баба?
Может, помочь пойти?

— Да нет, не надо, —
проводник нам говорит.
— У ей там секс
с соседом с полки
верхней...
Вагон стучит, качает вправо,
вагон стучит, катится прямо,
вагон стучит, качает влево...
Баба кричит,
не надоело...
А демократию у нас
давно украли —
еще Кучум-чувак,
и все, что иже с ним.
А мы молчали.
Да и сейчас молчим.
...Поезд летит на Крым,
к морю Черному
везет народ.
Один, по-крупному,
да в санаторий,
другой, по-маленькой,
в квартирке грязненькой
передохнуть.
А над нами в ночи
за облаками
летят
лайнеры:
кому в Панаму, кому на Кипр
в имение личное.
Ну и по фиг...

07.02.2013.

Телевизор я включил.
Канал первый,
канал российский.
Не упустил
удар курантов на Кремле,
вскочил
в одном белье.
Руку взял под козырёк.
Страна большая,
а я как волк,
отбитый стаей,
ищу других,
чтобы собрались
и вновь пошли
по миру силой, охотой,
враз.
И я счастливый,
что Путин есть.
Его люблю давно и сразу,
люблю за силу,
за отвагу,
люблю за Русь
и за березы.
Не то что здесь:
всё мова, мова,
трындец трындёги
и безнадёги,
трындец надежды —
и в никуда...
А Вова гонит своих
как прежде,
и только бич свистит всегда.
А здесь карманник
да гоп-стоп вор-артист
буянит.
О, я не прост!

Да и мужики все не простые,
а ими правят
пустовики.
И бьют куранты, и все стоят
из партий разных,
во ртах — колы,
чтобы не ляпнуть
что-то впусту
под телевизор.
— И донесу! — тот скажет быстро,
и передаст
картинку смысла
министру враз,
и из России позвонят,
и спину взгреют
козлу за миг.
Вот дисциплина Путенек,
путеец ихний!
Не то что наши —
всё трындят
о Союзах вот опять.
Но видеть всем куранты
снова
и Вову Ленина
под ними.
Оба!
И навсегда рубина
вам звезда...

07.02.2013.

Памяти отца Ивана

Отец!
Ты ушел утром ранним,
оставив нас...
Луга и леса в густом сером тумане.
редко падают крупные белые
снежинки со свинцового неба,
и сугробы тают
уже без тебя
и без мамы Надежды...
сердце мое щемит,
смерть рвёт по-живому.
Тоска!
Жизнь...
Что ты?
— Я чудо... —
мне шепчет голос внутри.
Но ты играешь без правил.
Ни дня, ни часа
нам никто не оставил,
когда вышли мы в путь,
зачем и куда, не зная...
Жизь, а ты не такая!
Ты меняешь нам
место движений.
Скупые слёзы,
и крик мой гортанный:
— Я хочу на земле,
и без расставаний!
Но ты улыбаешься
моему романтизму.
Жизнь!
Ты уносишь нас всех
через тризну.
Сердце щемит,
и тоска рвёт по-живому.

Отец мой лежит
на смертном одре.
Навсегда
ушел он из дому,
и только тело
ждёт погребенья.
Жизнь!
Это против моего желанья.
Ты снова шепотом
мне отвечаешь:
— Отец твой жив.
В этом мире
никто не умирает...
Мир в постоянном
движении...

11.02.2013.

Тоска на много километров
без конца.
Ушел отец мой навсегда.
Погода марш свой траурный
играет мрачностью
последних дней.
И я в ряду,
что по роду,
стал первым.
Не хочу!
Я не пойду!
А я тебя и не зову, —
мне говорит звезда. —
Ты сам идешь,
и каждый день,
и каждый час
сюда,
где вечность ждёт всех нас.
И мысли скорбные
плывут рывками
по голове, которая
сегодня и так уже устала.
А что я сделал в мире этом
для Бога и людей?
Ну, стал поэтом,
нарожал детей,
дома построил,
а душа все там же,
тем же строим...
Копилка мудрости где-то стоит,
и прорва глупости
все расширяется
и все грозит
копилку тоже захватить.
И мысли и слова людей
несутся в чередой своей.
И кто куда...
Да и дела...

Копилка мудрости
так далека,
и мало мы наполнили ее.
Но прорва глупости
летит,
пространство расширяется —
до края ее
рукой подать,
и, умирая, поздно будет
уже добавить
что-то в копилку,
а прорва примет и так все
с лишком.
Стою в ночи один.
Крайний, первый
по роду,
как властелин,
и губы шепчут
к Богу все слова:
— Прости, прости, прости меня...
А звёздный ветер вместе
со снегом
ложится на меня,
согревая по-отцовски плечи.

11.02.2013.

Я всю жизнь
унижался, угождал и оправдывался.
Мир несвободы,
где жизнь проходит:
везде — зоны, зоны, зоны, —
на работе и дома.
Везде — крики, шум и угрозы.
Везде — сатрапы,
полиции козни.
Но я не хочу так,
и уже не буду.
Я не раб людей,
притом не лучших.
Я раб Божий,
и стал свободным.
После того, как
принял Христа,
я встал на ноги.
Исцеление хромого и незрячего,
исцеление беснующегося
и припадочного
под трубы оркестра
главного в мире.
Кто его вышколил?
И кто его выдумал?
Очнитесь, люди!
Идите к Богу.
Там — свобода.
Там, и только там.
А здесь мы рабы мира,
и нам еще выкалывают
уши и глаза,
а особенно продвинутым
ломают ноги.
Здесь так было всегда.

11.02.2013.

Птица парила
под облаками,
заходя на крутой вираж
опускалась
над лугами.
Мы кричали ей вслед,
а она снова
взмывала вверх.
В любое время года,
при любой погоде-непогоде,
часто в снегу,
примерзшему к крыльям,
переставала быть
похожей на себя,
летом, мокрая,
в грозовых рассветах
без устали, без остановок,
полет.
Полет так долог...
Сегодня холод, снег, зима,
ветер северный.
Птица осталась без крыльев
их забрали мороз и метель.
Грустные глаза,
редкая слеза,
взгляд далеко в небеса...
Там летают другие птицы.
Они моложе.
У них сильные крылья.

11.02.2013.

Обожженное небо пустыни,
огненным солнцем
разогреты пески,
и оазис с зелёной травой —
миражи.
Путник слез вдруг с верблюда,
и жало, смертельное жало
вонзила змея
ему сзади.
Подло, как и всегда,
совершается подлость.
Боль нестерпимая,
кровь,
и яд выйти из тела
уже не сможет.
Запасы еды, воды,
крепкий верблюд,
и недолго оставалось идти.
Смерть!
Коварная, сзади, внезапно...
Путник смотрит
верблюду в глаза,
а там ясно
как в небе горящем,
но, вдруг,
слеза одинокая.
Солнце плавит пески
и сжигает живое,
но коварный укус змеи
остановить не смогло и оно.
Путник упал
лицом к небу, молясь,
а верблюд опустил
перед ним на колени
как врач.

Время сносило пески
огневые,
ночи холодные спасали
живых,
а возле бархана
лежали два тела —
путник с верблюдом —
оставшись здесь
навсегда
в песках горячих метелей.

11.02.2013.

Всё прожитое
всплывает в памяти
как боль,
и не вернуть то время,
те мгновенья,
что искрами взлетают в памяти
порой,
особенно,
когда
трудности идут горой,
которую не обойти,
не оттолкнуть,
а только пережить
как путь,
что свыше линией
проложен, часто не прямой.
— А я герой! —
кто-то говорит, играясь.
Героев нет, как таковых.
есть привыкалость
к трудным дням.
Героев нет,
или еще не выточен стилет,
который остро ранит.
Когда кровь будет сходить,
тогда и скажешь.
Боль прожитого...
Комната.
Тепло.
Игриво солнце лучами
прямо в окно.
книга в руках.
Знакомый сад.
Забор в зелёной краске,
что строил сам когда-то.
И где-то мама на веранде.

И память вырывает
всё заранее,
и ранит как гвоздём,
забытым в грудь.
Всё это не вернуть.
А что же в этом есть?
Какой в нем смысл?
О чем жалеть?
Я сам не знаю,
не скажу.
Я медленно бреду:
то шаг вперед,
то отдых,
шаг назад,
пока, вдруг, карту не найдешь.
Вот так идешь, бредешь,
и в этом жизнь,
в простоте её.
А боль таранит
прошлым днем,
а, может быть, и есть за что?
За суету,
недолюбовь,
недоум,
недонетак,
большую скорость
сюда, где я сейчас...

11.02.2013.

Убывающая страна...
В ней всё доброе убывает,
и летит она как стрела
куда и сама не знает.
Но возврата ей, как стреле,
уже нет никогда обратно.
Она падает где-то на землю
и еще убивает кого-то когда-то.
Убывающая страна...
Люди сеются, как через сито,
и уходят от нас навсегда
пьяно-синие и испиты
(слава Богу не все, не все),
и в горячке наркотика-кайфа,
или ломки, когда
дела по финансам
не сладки.
Убывающая страна
добрых правил, морали...
Когда-то
ей краснеть приходилось
со стыда,
потому что совесть
была богатством.
Убывающая страна
остается в своих границах
но это только на карте пока,
а так уже
рваная на части
чисто
по закону, всё по нѐм,
придумать то их не сложно...
Топором и кайлом
головы били больно.

Черной силою взят
весь верх
и опущен до низу в промеж
нескольких утех
сынов-байстрюков территории.
Деньги, слава с бичом в руках,
роскошь жизни
и гнет народа.
Убывает страна в никак,
и не только наша, а более...

11.02.2013.

Больно рвется рваная боль
на сотни осколков
взрываясь.
Мы здесь шли когда-то
с тобой,
но уже не пойдем,
ты знаешь...
А по дороге длинной
справа лес былинный,
а слева бесконечные поля.
Над нами небо чуть синеет,
и солнце разрывает
свой восток,
и красный огненный язык
зажег нам новый день.
По скошенным полям
теперь одна моя лишь тень,
но нет полей тех, нет...
А боль осколками в пространство...
Осколки лишние,
как для одного меня.
Оставьте!
Пусть улетают к небу
и не ранят
тех, кто ближний мне,
и движется
по моему следу сзади.
И страх из леса,
жуткий, сильный.
Лес огромный,
старый, милый,
но своей мощью силы
пугает всех.
О диво!

Полон ягод и грибов,
птичьих пений и хоров,
но напряжение величия его
не для простаков.
А путь обратный,
уставший люд,
устали кони...
Отдохнуть —
одни лишь мысли —
лечь, и спать...
А путь обратный остался
только мой.
Все спят,
но вечным сном.

11.02.2013.

Ровные линии
снежных дорог.
Деревья все в инее.
Дальний Восток.
А рядом где-то
прибой океана
и груды камней,
и сопки, что рано
под солнцем зимы
открыли вершины
для встречи весны.
А я здесь затерян,
а я здесь утерян.
Может быть, сто
или двести лет кряду,
когда оторвался, отстал
от отряда, что шел
покорять новые земли
для великой страны, —
Российской империи.
А шум прибоя
все ближе, ближе,
трава по небу,
я чудо вижу.
И лунный отблеск
на путь саней
и лошадь в черном
стала серей.
А я ищу дорогу, в даль
тоже Восток,
но там мой край.
Затерян много
лет назад.

Летит мой конь,
а я и рад,
что мысли чисты,
как этот снег.
Такой лучистый
и лунный блеск,
и многолетье моей судьбы
вдоль океана.
Я все в пути...

11.03.2013.

Незаметно сплывают секунды,
пресуясь в столетья потом.
Столетия уходят в историю,
и мы новые встречаем
огнем
салютов, оваций,
музыкой, танцами
вновь.
Столетье приходит,
и нового нет ничего
и в нём.
Войны всё те же и там же,
империи падают вниз,
и на обломках несчастных
строится новая жизнь.
С горьким привкусом злости,
агрессии и борьбы
носятся новые кости
и новые вновь гробы,
вместо приходят другие
с криком рождений души,
и снег кружится
над пилами,
что точат опять палачи,
чтобы срезать, срубить
в паденье
страну, что им не к лицу.
Каждый решает смело,
и всегда везёт подлецу.
Секунды уходят тихо,
в столетья пресуясь волной,
и кажется,
что в другом будет лучше, —
его мы встречаем
огнем
салютов, оваций.
И всё это вновь прекрасно.

Но жизнь не становится сказкой.
А мы всё другого ждем,
чтобы счастье рекой,
и достаток горой...
Секунды, секунды, секунды...

12.02.2013.

Чужая смерть
нам чистит души,
смывая сажу, пыль.
И груз, что оказался
вдруг ненужным
мы сбрасываем
куда-то вниз.
Но время пролетает быстро,
и скуки поезда идут:
и то не так,
и счастья мало,
и деньги, что нужны весь день,
и та любовь,
что вдруг пропала,
и близкие не так себя ведут.
А дальше —
всё рывком вращений
выводит в тот же
мрачных ливней дух,
где доброта ищет убежищ,
а зло вращает снова круг,
и в нем уже нам снова
в радость
вся бесконечность суетни,
и гадость, гадость, гадость
кругом горами,
и кусты облезлые природы,
деревья пыльные,
хоть дождь,
и снег не к месту,
и погода,
и всё взрывает, тянет вниз...
А тут и новых жертв
отмщенья,
в цветах нарядный гроб...

И громко просим мы прощенья,
губы дрожат и шепчут
только слово
Бог.
И снова чистит души
чужая, пока, смерть...

12.02.2013.

Сумерки пятнами
ложатся в талый снег.
А покоя как не было, так и нет.
Солнце, сделав дугу по небу,
ушло и нам уже не светит.
А я покоя ждал.
Вдруг, думаю, в окошко: тук-тук-тук!
— Кто ты?
— Я друг. Покой.
— О долгожданный гость какой!
И я впустил бы его в дом.
Согрел бы чай. Орешки, мед,
и потчевал его.
А он бы часть себя отдал:
— Возьми, возьми! —
сказал.
И я бы взял
часть облака в тумане
воды соленой из морей,
и гор высоких снег,
скорей бы это положил
на стол,
и аромат покоя
плыл и шел по дому
тихо-тихо...
Я стал бы вновь ребенком,
и слушал песни мамы,
и спал бы крепким сном
с розовыми снами.
Но тишина...
И сумерки украли все,
как огромная волна,
и застыли, казалось, навсегда...
Но воин я!
Покоя уже не будет никогда,
пока я здесь.

Но в мире том,
где буду я другим,
покой мне будет гость,
и частый гость.
Я буду брать
часть его себе,
но здесь — никак.
В миру мы,
на Земле...

12.02.2013.

Буря.
Бирюзовая пыль по планете.
И гонит ее сильный ветер
с осколками камня
горящего,
а рядом лес стонет
от бури,
что стала еще ужаснее.
Лес из деревьев
камней драгоценных —
бриллианты, смарагды —
деревья нетленны.
Золотом, платиной
устланы тропы.
Звери играют здесь.
Они просто
подходят к нам
и ласкаются.
Кошка огромная рычит,
не кусается.
Волк и лиса в шкурах
чистых и вымытых.
Дождь вновь пошел
из крошечек бисера.
И светит звезда
сиреневым цветом,
а по лучам тюльпаны согреты,
нарциссы и мальвы,
петунии глазастые.
Что за планета?
И как называется?
Но мне сказали:
— Пока-что секрет.
Ты здесь только гость.

Но чтобы навек
здесь поселиться
и жить в красоте,
ты должен
биться там, на Земле.
Биться с собой,
своими страстями.
А ты думал что?
С гореврагами?
Да нет там врагов.
Потерянный люд.
Враги — в мире духа,
где черти
и друг дьявол их старый,
беззубый, собарый,
там-вот война.
А на Земле — то игра.
Ходят дивизии,
водят полки,
время зря тратят
ваши стрелки.
То грех коромыслом
и дурь без просвета
ваши Сталины, гетьманы
и ослы с городка Мангышлак —
то всё равно и все равны.
Войны, сынок, впереди.
Ну, до встречи.
Лети...

12.02.2013.

Вспышка пламени огня,
удар туда, где та земля,
куда реки слёз и крови
конвертированные
дельцами в доллары,
упавшими как снег на голову
и повредившие в ней всё.
Заради денег новый бог,
и церковь новая,
и паства.
Они хотят себе богатства
здесь,
а пастве — там, на небесах.
Бандиты по любви
на бой-кураж
и эпатаж,
и пафос жизни.
Их много здесь.
Родной мой Киев,
и Петербург,
да и Москва,
наполнив реки слез и крови,
сами ушли в недолю,
где Антихрист весь в броне,
и лапы сталью закрыты,
колючей проволокой
лжи и бреха
нам и вам.
А палят свечи, но не там,
и молят Бога снизойти.
Бог молчалив, терпел.
Терпи и ты,
если открыл
ворота в город и страну
какому-то, в наркотическом
угаре, пацану.

Сжимают грудь тонны тоски.
Что с нами, люди?
Мужики!
Ау!
Где вы?
За вами вурдалаки вновь пришли.

12.02.2013.

Собрал антихрист как-то в ночь
свою всю бестолочь,
и отправил их на постсоветское
пространство, чтоб “помочь”
довести абсурд до конца.
“Пасторами” назвал подлецов.
Первый “пастор” — прошмендей,
второй “пастор” — журбавский,
третий “пастор” — чертовецкий.
Выдал им легенды, документы.
вместо тротилла дал “виагру”,
вместо пистолетов — презервативы.
И вышли ночью тихо, незаметно.
Пересекли границу мира,
где конкретно территория
уже захвачена теньями,
после красного дьявола
с рогами,
и опустились всей командой
поначалу в Киев древний.
Создали церковь-секту.
Взяли власть деньгами антихриста,
и начали бузить, как в дискотеке,
нанюханные мелкие бандиты.
Крали земли, деньги и квартиры,
крали женщин красивых
и в Монако на балы возили.
И сорвали город с рельсов,
вырыли траншеи бесы,
как в великую войну.
Люд туда ложили в вагонетки,
чтобы гнать его в переработку.
Нервы не выдерживали во многих,
особенно у тех, кто далек был к Богу,
и только истинная вера
держала в городе людей,
где мало было святости и хлеба.

А “пасторы” резвились как щенятки,
и гнали вал,
и тот, что зверь,
был рад, доволен —
непотреб оказался
еще но что-то годен:
пошли он шваль эту в другие
страны,
там бы их быстро
привязали к “храму”,
который они соорудили,
но здесь земля растерзана,
без веры.
Здесь горе ходит,
как морем галеры.

12.02.2013.

Наша родная украинская
порнозвезда
трудилась в поте лица,
как та коза, что родила
троих козлят.
Им нужно молоко давать,
а для этого —
траву искать и жевать, жевать,
а тут еще козел-сосед
пять раз на дню
лезет к ней.
А что ей делать?
То да, то нет.
Вот так и порнозвезда.
Мы наконец дождались
уровня, что да!
Вот это да!
Что она творила на экране,
представить невозможно!
Рано начала свой труд
тяжелый.
Сказалось время —
нужно выжить любой ценой,
и вволю насладиться жизнью.
Вот порнозвезда
и наслаждалась
в мыле.
Родители плакали, просили,
дочь единственная, красавица,
бесилась:
но от любви к искусству,
а не просто так.
Звезда послала их подальше,
и разошлись они путями.
И вышла замуж по любви
порнозвезда вдруг скоро.

Детей рожала,
целых три.
Злые языки говорят, что
от актера и гримера,
но верность мужу сохраняя,
она снималась, напрягалась,
а сцены, сцены-то —
все эти штуки во рту, то сзади —
то всё искусства ради.
Менты пришли,
деньги попросили,
но не нашли,
послали их к какой-то силе.
Дело возбудили.
И семья,
обычная капиталистическая ячейка,
пострадавшая от власти,
отправилась убежище просить.
Политическое!
И дали в Чехии.
А вам, что землю пашут, —
фиг!

12.02.2013.

Пока Юля вновь
на зоне или киче,
как угодно,
Многословская опять
с новым мужем
учат “камасутру” вместе.
Практика — почти что
каждый день.
Муж водки выпьет,
и как олень
прыгает по дому резво.
Он семью бросил за это.
Депутатом стал в верххате —
Многословские богаты:
“мерседесы” и квартиры,
бизнес крупный,
воротилы!
Хлебают с бюджета ртами,
а потом дыры латают.
Дай кредиты!
Дай кредиты!
Так кричат,
аж дурно слышать.
Им то грабать что-то нужно.
Не давайте им кредитов,
разве что Китай
под “крышу”
пусть возьмет бандитов наших “нищих”.
Их, китайцев, много.
Растворятся терриконы
среди страны большой,
а дома только
люди уставший, трудный,
подлечить его же нужно.
И подлечит Юля с зоны.

“Кича” там уже
в стране огромной —
пусть работают, пахают,
богатеют, отдыхают,
на “камасутру”
после дня рабочего
уже не втянет.

14.02.2013.

КРАТКИЙ КУРС БИОГРАФИИ МЭРА ЧЕРТОВЕЦКОГО

Родился он в тюрьме
под городом Калым.
Мать — обер-лейтенант СС,
сидела она там за то, что
не открыла важный
секрет
сначала НКВД, затем и КГБ.
Родился мальчик
от шалости охраны,
что ночью выпив, чефирнув,
искала даму,
и Эльза подошла им
всем по виду —
красавица-блондинка,
я как сейчас ее там вижу.
А папы — увальни
с Твери, Пензы, Свердловска —
здоровые, отобранные хряки,
но в этом деле ловко
уговорили Эльзу
за столовку,
куда водили ее часто на работу.
Мальчик рос смышленным
и разумным.
Рано стал читать, писать.
В школе хулиганил, воровал,
но время-то послевоенное...
Завал
был по стране.
Его прощали.
Воровали, дрались все.
В этой же колонии,
в бараке для блатных,
родилась его жена
с фамилией Патык.

Родили ее цеховики —
гнали на фронт гнилые сапоги,
шинели с рваного сукна,
шапки ношенные.
Эх, шпана!
Девочка ходила в один класс
с мальчонкой.
Была брюнеткой,
смазливая чувишка.
Они понравились другу другу сразу.
А поженились в шестом классе.
Свадьба
была скромной, небольшой:
человек десять за столом —
родители, хозяин зоны,
и Горшок, он кумом был
из касты свехворов.
Затем мальчик учился
в докторов по зоне,
готовился куда-то поступать,
но кум Горшок
договорился в Харькове:
опять
там была связь,
на юридическом, чтоб стать ментом
или прокурором.
И прошло
дитя великий конкурс.
Учиться стал у Долгоноски —
известный профессор,
друг Вышинского,
вместе делили горе пополам
и свинство,
что бродило по стране,
вместе ложили в землю
по трубе,
которой зов шел из Кремля:

— Дави, режь, суди!
Он враг, свинья!
Гоня Чертовецкий курс наук постиг,
и прокурором стал,
но робок, тих —
он боялся.
Он ждал другого часа.
А пока гулялся с молодой женой.
Папка ее вышел на свободу —
и домой,
старым заниматься, по цехам.
Авторитет мафийский
тут и там,
и денег молодой семье
все сыпал и давал.
Жили в достатке, но не сладко.
Хотелось больше,
даже много.
Страна строила заводы,
клепала суперпароходы,
варила сталь, чугун,
и сеяла пшеницу,
но увозила много
за границу, чтоб сферы коммунизма
укреплять.
Гоня стал коммунистом.
— Ох ты, бляд! —
сказал вдруг тесть. —
Ты маладэц!
Меня нэ примут,
я б вступил,
а так, толко в какашки мне
ногой.
Я — гой, изгой.
Твой папа — гой в этой стране.
И отомсти ты, сын,
когда-то за меня.

А Гоня ширил всё
свою карьеру —
преподавать начал
в столичном универе.
Учил юристов тонкостям
бритья
баранов по стране,
где уже пыль пошла,
и в этой пыли
можно было делать
или не делать ничего.
Гоня хитрил и рос
профессионально ого-го!
А тут рвануло что-то —
по котлам
большого СССР
спускали пар,
но не смогли те краны
пропустить
давление большое.
Рвануло крышки так,
что крыши
слетели почти во всех,
что на “свободу” вышли,
свободу от всего и всех.
И дурь пошла дурить
кругами.
Менялась вроде бы как власть
ногами,
а головы остались те же.
Бизнес пошел.
Ой не смей меня!
Не бизнес, а советская
простая спекуляция.
Открылись клубы ночные.
Деградация
вылезла из подпола СССР

и начала расти
как тесто на дрожжах.
И верь теперь.
Кому?
И как?
Гоня пошел такси гонять,
но то была потеря часа.
Гоня рвался вверх.
Тут появился новый друг,
Шмандей.
Они создали церковь
для людей.
И люд, измученный враньем
за сто последних лет,
вращеньем черта в колесе времён,
как будто его нет,
пошел.
И много.
И стало сложно.
Но выкрутились новые друзья.
Стибрили банк,
еще что-то для себя.
Гоню, как пластик прессом,
продавили в депутаты.
Ух ты, церковь!
Гоня богател,
и дурачился в блиндепутатстве —
играл под дурика,
и смахивал бывало на него не раз.
Солдаты
хватались за автоматы
по казармам,
но шел приказ:
— Отставить!
А дальше — больше.
Избрали мером
города большого.

В нем много денег, хлеба
и Гоня пошел ва-банк.
Избрали бабки, бабы
и наган,
которым “церковь” личная
пугала.
Избрали Чертовецкого.
Моргала
комета, что летела
над Землей.
Моргала,
но обошла,
махнула всем хвостом
и напугала.
А Гоня стал после этого
идиотом и дураком —
корячил рожи,
строил зенки —
глаза — (для тех,
кто не знает фени).
Плел несуразицу такую,
что на голову было не одеть.
Лихую строил мину,
и крал, и крал всё,
что видел,
даже псину, что бродила
в парках, скверах.
И так долгих шесть лет
разум херил.
И люди были в статью ему —
два раза избирали
как чуму.
Все смеялись вокруг,
а почему?
Две власти поменялись
наверху,
Гоня давал откат.
Деньгу.
Землю.

И предприятия на шару.
Дома, квартиры,
туалеты.
Тараканьи бега открыли в ночь.
Где только можно,
шла игра —
не прочь и снять на этом
капитал.
А что же власти наверху?
А там — кто с молодой
женой игрался —
старый, лысый дядька
изучал как паталогоанатом
ее тихо,
генниталии особенно,
груди,
ягодицы,
и это отвлекало от страны;
кто тырил и считал деньгу —
таких было больше всего.
Им Гоня был на так.
Гонь таких в стране,
как нерезанных собак, иль срак
(так в народе говорят).
А время шло, росло бабло,
рос деградант и зло.
Кружило это всё
по грязным улицам кругами,
антихрист правил городами.
Потом Гоня, как многие другие,
ушел с бабой молодой
в пески седые,
и как за каменной стеной,
не той, где плачут,
нет, другой,
с таких, как он, по миру
круговой поруки,
где каждый первый — идиот
к чужому добру

все тянет, тянет руки,
широко открыв корявый рот...

P.S. Краткий курс рекомендован автором для изучения на юридических, политологических, исторических, биологических и медицинских факультетах университетов как пособие по нежизни — болезни, не изученной и не исследованной наукой.

14.02.2013.

Я вижу тебя на краю Луны.
Тебя я вижу,
и мои сны —
по краю Луны, где берег Любви.
Серебрянным цветом
покрытое тело.
Одежды в росе серебра.
Ресницы большие,
пушистые, милые,
глаза, а в них — я.
По краю Луны
ходишь ты.
За столько лет
мне тебя не найти.
А как мне попасть
на чудо-Луну?
Только во снах
я могу.
И я тихо сплю,
чтобы видеть Луну,
и тебя, и тебя
на краю —
потерянное счастье
пополам с несчастьем
во времени, где лето,
не понимая это,
не понимая жизни.
Луна была лишь призрак,
а звезды, что светили,
лишь точки света.
Или я рос
не под звездой,
или весна оказалась роковой,
а, может, судьба,
в которую так верил я?
Сегодня для меня судьба —
никто и никогда.

Время Луны, лета, весны,
время любви,
где, смотришь, — вдруг, ты...
И редкие сны
по краю Луны.
Мне лишь потом,
в мире ином,
если пробьюсь
к тебе.
Я вернусь.
Я твой.
Ты моя.
На век и года.
На край Луны,
где бродишь ты.
Берег Любви.
Сойди!
слышишь меня?!
Я жду лишь тебя.
Приходи...
Хотя бы в короткие сны...

14.02.2013.

Полфевраля и снова — весна.
И снова, вдруг, я.
Если приду
в город надежд,
в город чудес,
в город любви, в город, где ты
цветешь сиренью,
где ты тюльпанами
и трелью соловья
встечаешь много лет меня.
А мне так хочется,
и я мечтаю
о том, высоком,
что выше не бывает,
о том далеком,
что рядом где-то
в мире другом,
но силуэтом
его приходит
ко мне в мечтах,
а часто, часто
я вижу в снах
моря без берега
и горы без вершин.
Горы уносятся
всё выше в даль,
в синь бескрайнюю
как и моря.
Сплошное море
и тихий бриз
воды солёной,
и губ твоих
среди цветов
акаций белых.

Под липами, что
вышли смело
в цветах-нарядах,
чуть-чуть согнувшись
от веса
ради чего живущих.
А я цветами пью все вина,
вдыхая запахи
неутомимо.
А ты акацией ко мне
в вечер теплый
под птичий звон.
И не вернуться мне назад,
где серость цвета
и тусклый взгляд
мира моей души уставшей.
Я думал, что пройдет,
но потерявши годы
веры, все вижу серым.
В мире сирени
пахнут тени.
Я под солнцем
в огнях любви,
а в мире света
звезда одета
в цветах и красках.
Полфевраля...
Снег и мерзлая земля...
Серое небо...
И глаза...
Но есть душа,
и есть мечты.
Всё сбывается в мире этом,
знаешь и веришь ты,
и я...

14.02.2013.

Как-то старый капитан
дальнего плавания
историю мне рассказал,
не случайно ведь.
Он возит наш металл
по разным странам
на Дунай.
Река и море, пароход.
Романтика,
и белый китель.
Морской волк
на мостике за штурвалом.
Но жизнь его никчемна,
как никогда, достала.
Контрабандист, преступник,
сообщник у бандитов и воров.
— Ха-ха-ха! —
смеется журналист
из-за угла.
Мартены варят сталь.
Частная собственность свята,
как святость
наших многих верующих!
Ага.
Они сталь везут из страны
и сучки
им служат в этом
грязном и преступном деле.
Таможня и граница
офигели:
— Кэп!
Стол накрой,
и отстегни!

Документы проверили,
печати, штемпели:
— Иди!
И пошел наш пароход
с Днепра в Дунай,
а там и море —
много стран.
Документы с Украины —
в печь!
Считай, огонь прибыль
для страны всю съест,
а потом — из сейфа
новый пакет документов.
Вот так работают
сталелитейные бароны,
как в бакалейке,
пацаны, блатные пацаны:
прибыль в банки за рубеж,
а родной стране — кукиш.
И капитаны кораблей
с бандитами в супряге,
в одной веревке,
в связке за лэвэ.
Какое блядство
и таможня, и граница
и всё...
Люди отстали,
страна отстала,
а пацаны по экономике
мотают
передовые технологии доходов —
стране копейка,
себе доллар.

А капитаны водят корабли,
и дальнбойщики
вокруг земли,
и поезда пошли, пошли, пошли,
и всё ради деньги
для кучки нелюдей, что должна
сидеть в тюрьме.
А они здесь “карали”...

18.02.2013.

В новолуние
под покровом ночи
через черный ход
в дом зашли гости.
В элегантной одежде,
в руках сумки, а в них кости.
И сразу на кухню,
там кипят кастрюли.
Кости с мясом красным
и сухожильми,
большие и маленькие —
разных положили.
А дальше — в зал,
к камину горящему,
погреть озябшие руки,
и что-то приятное сказать товарищу.
Здесь все друзья и близкие —
тайное общество,
закрытое и необычное.
Они сафарят
людей на автострадах,
на улицах городов
автомобилями без шоферов,
в лесах и полях.
Винчестеры и карабины.
Сафарят всех подряд:
бомжей, работяг,
а особенно любят
в элиту стрелять.
Медленно пьют бульон,
смешанный
со спиртными.
Медленно говорят
о случаях неповторимых —
о банальностях неинтересно.

Здесь нужен изыск
“с изюминкой”,
а не то, что пресно.
Камин горит
и дышит жаром,
блеклый голубой свет...
Отдает хирургическим залом
или рабочим местом паталогоанатома.
Ночь медленно сползает к рассвету,
скоро все разъедутся по своим
кабинетам.

19.02.2013.

Побитое насквозь
молью и бактериями
пространство стран
бывшего СССР,
а ныне — СНГ.
Кто не бывал,
тот счастлив там,
дома, у себя.
А я живу здесь,
и вижу всё —
наверное, так нужно свыше
людям, что поддались злу,
и вышли на уровень
мышлений и мечтаний,
где не рассветы
и капли бисера росы,
а ненависть заняла умы,
почти что всех.
Бактерии и вирусы
плодятся наспех,
и грызут, гниют,
воспаляют и вызывают зуд.
Все нездоровье
тела и души.
Любовь здесь — баба за гроши.
Услуги чисто борделей.
Здесь женщина никто,
поверь.
Любить здесь мать, отца —
постыдно даже.
Спроси вон у юнца,
что клей вдыхает из кулька.
А что элита?
Она вообще кто знает куда зашла.

Одни воруют деньги,
другие — место чужое в кабинете,
чтоб рвать потом всё те же деньги,
третьи — пишут, графоманят,
вешают себе медали
и премии, и премии без счета.
А есть мыслители опасные,
как крот,
что роет землю в огороде,
мозги сушат себе,
и, вроде, с виду здоровые.
Ан нет!
Глаза горят,
а в них недобрый свет.
Они мечтают о войне,
и ядерной притом,
вовне своего дома и кустов,
где мастурбируют мальцов,
и все снимают, как в кино.
Преступники сплошные...
То одно.
А мысли у элиты
как в заброшенном
и переполненном сортире.
Им всё равно...

21.02.2013.

Крылья птиц любимых
волосы твои разделённые
посредине
головы красивой,
спадающие на плечи
и глаза такой любимой.
Хоть от встречи прошли минуты,
и я, глупый,
что-то говорю о морали.
Ты умная женщина,
всё прекрасно понимаешь.
Губы чувственные,
и глаза, и улыбка...
Ты мне так близка...
И я глупею еще больше.
Любовь окрыляет,
но не меня. Хоть и меня тоже.
Мне нужно прийти в себя.
устояться.
Ты улыбаешься и принимаешь
анализируя
мои рассказы
о грехе жизни.
День быстро, без тормозов, в вечер.
Я еду куда-то
невесть,
и грудь пылает новым чувством.
О, девочка,
думать о тебе не грустно.
Тонкие пальцы заботливо,
нежно
витают в пространстве,
где все снежит.

Зима — в весну,
через тебя, ускоряясь,
рвет лед,
снег тает.
А утром снова
одни мысли...
О, девочка,
моей жизни!
Как сложить луну
и дуб зрелый на горе
под ветром?
Как сложить
море и небо?
У меня не выйдет.
Да что там мысли!
Любовь окрыляет.
Дорога — зимник,
и птицы с крыльями
волос твоих
надо мной летают.

21.02.2013.

А я ухожу из тумана звезды —
прихожу в пламень лета,
где ты.

Искры брызг от небес,
золотистый их шлейф
на тело твое
у воды.

Из небесной красоты
я пришел туда,
где ты.

Я оставил свой покой —
снова в воду с головой
на волнах и бурунах,
скал гранитных,
глыб извечных.

Ты играешься как ветер
прислоняясь вдруг ко мне,
то уходишь по волне,
исчезая в горизонте.

Я кричу вослед тебе,
и солнце освещает
красоту
твоего лица.

Бегу
по волне тебе навстречу,
помогает мне мой ветер,
что я взял с собой
с звезды.

О, любовь!

Не проходи!

Никогда. И мимо тоже.

Море вновь бушует:

волны —
в дом, —
спуская нас,
то подъем, на гребень.
Раз, второй,
и страха нет.
Чаяк крик
и сонца свет.

21.02.2013.

Мне не хочется покоя,
а луны свет.
И с тобою
по весне
и под весною
в пьяных запахах
рукою
гладить мне твою ладонь,
целовать тебя
и гром
вместе слышать
под сосною.
Дождь,
и капель первых холод.
Спрятаться куда-то в чащу.
Снова в ласках и объятьях
утонуть в тебе
как в небе
навсегда.
Ты слышишь!
Лето встретить
не теряя
твои пальцы,
обнимая стан
как у русалки.
Утонуть,
не возвращаться
в мир, где столько
веса
тяжких дней
и занавесок
из туманных льдов зимою,
где любовь
уходит с воем
и слезами расставаний
в поднебесье синей рани,
от Луны отстав.

Мы спали
вместе на траве у леса,
птичий хор
святых оркестров.
И я жив, как настоящий,
моя жизнь с тобой
изящной,
тонкой сердцем чувств глубоких.
Помни, с летом,
что уйдет,
ворвется осень.

21.02.2013.

В лугах, что с проседью,
туман не с осени.
Травы скошены,
и вянут желтые
становясь сеном,
и пахнут летом.
А ты говоришь мне:
— Нет!
Но глазами ты даешь ответ:
— Да!
И мы бредем с тобой в луга.
Река, вода,
и ты моя.
Стога пахнут сеном
трав скошенных летом
для тайн сокровенных
влюбленных
и пленных
цепями любви.
И цепи эти нам не разорвать.
Я буду жить с тобой
в веках,
где только вечность,
и не нужно умирать.
А жить мы будем
в этих стогах
в наших лугах,
а утром, на рассвете,
мы плавать будем вместе
в прохладной
и розовой реке.

А, может быть,
все это снится мне?
Мои сны хоть и сны,
но всегда о тебе.

21.02.2013.

По двору бежит картина —
нашей кошки половина,
а из-за забора торчит хвост
и строчит как пулемёт.
То ли я проснулся рано,
то ли я слетел с дивана,
то ли выпил вчера мало,
но всю ночь кричала баба.
Нет. Не секс.
Хоть и стонала.
То не так.
И все — не это.
Пью, мол, много.
Человеком мог бы быть,
если б старался.
А зачем
мне изголяться,
бегать утром на работу
за копейки и заботы?
Я и так живу неплохо.
Есть друзья,
и нет работы.
Там прихватим что-то враз,
там подрежем бабке сад,
там железо соберем
и скорей в металлолом.
Я свободу ждал полжизни,
демократию
как призму,
за которой ломит свет
семь цветов.
Мне эта жизнь как снег,
что на голову свалился,
холодом зимы прибился,
и я счастлив, как и все.

Жизнь живу не в колесе
вечных круток и забот.
Я свободен в полный рост!
А сейчас опохмелюсь —
под диваном пиво,
плюс остатки от вина,
и усну опять до дна.
Новых снов услады радость —
жизнь так стала
все в порядок.

22.02.2013.

Под вытертым моим диваном,
где
тараканы, пауки и моль
живут упрямо,
хоть водкой брызгали
туда со рта
не раз.
Спиртом “Роял” палили —
ок как газ —
я сам крутился от него
винтом,
а эти насекомые
потом
плодились и росли быстрее.
Спиртное — вещь полезная,
и верь
после этого докторам,
что пить, мол, вредно.
Брехунда!
Вот что пружины
торчат с дивана,
то, явно, не годится никуда,
особенно для бабов —
бывает, приведешь,
за стол культурно,
нальешь ей, выпьем
и в постель, в натуре.
А тут пружина воткнется
ей куда-то,
а я уже взведённый,
и отката
не может быть до самого
конца.
Она кричит, я думаю от счастья,
потом, оказывается,
что сталь ее рвала.

И стулья колченогие без ног,
и стол подпоркой деревянной
держится.

Вопрос:

а, может, мебель поменять?

Вопрос второй:

зачем?

И так мне хорошо,

и все спокойно.

А девки пусть побольше пьют,
чтоб не было им больно.

А водки у меня —
сгореть!

Я собирал ее

коллекцию

как другие люди книги и картины,
считай, всю жизнь.

22.02.2013.

Слава Богу, путь мой долог.
В небесах бушует холод,
он всегда там всё морозит.
Сильный ветер по дороге,
первые ручьи
как слёзы
снега, что слежался
льдами.
Солнце высоко над нами,
и весною дышит город.
Скоро, скоро снег затопит
все низины луговые
талою водой.
И крылья птиц,
летающих бесконечно,
солнце, ветер...
Я стою на раздорожье,
и меня оно тревожит,
что придется дальше в путь,
до конца,
чтобы уснуть
и проснуться в мире грез.
— Я хочу тебе помочь! —
мне кричит журавль уставший. —
Ты угрюмым стал,
наш старший,
друг, проверенный годами.
Не спеши
уйти с поляны,
скоро лето в самоцветах,
брось хандру свою!
Со светом,
утром ранним, заберу
и снесу ее, свезу
в даль далёкую.

Негоже
по весне хандрить.
Ты можешь мысли
о конце пути
вычеркнуть
и не идти,
а упиваться, как все мы,
миром Бога и идущей к нам весны.

23.02.2013.

Сегодня мне неба голубой квадрат
размером в метр, не более,
и стены кирпичной кусок
залитый ярким солнцем.

Я не грущу,
и не вою волком,
я живу,
и люблю даже малую часть,
но с толком.

Закрываю плотно глаза,
и темно мне становится сразу,
и я так готов бы лежать
миллионы лет кряду,
но скоро заберут и это,
и останется все позади.

Жизнь другая умчит
кометой,
а что там и как —
я не знаю, да и кто скажет?

Скоро — не значит дни,
хоть живу я всего
лишь секундой.

Скоро — это и год, и три,
и более,
но не бесконечно.

Голубой неба квадрат,
завтра — может быть
серый, черный,
и птицы в нём на крыше сидят,
ждут от меня корма.

Я не ропщу на жизнь,
иначе заберут и это.

Я в узком пространстве
шепчу: “Держись...”,
и медленно бреду к Богу.

И всё, что мне в душе
навек — картины мира,
где счастлив
был много лет,
а несчастье, беда, как эталон,
кусочком,
для сравнения жизни...

24.02.2013.

Будет всё мне
и тут, и там.
Будут краски красот мира,
будут горы
пополам
с эхом вечным
отзвуков
дюбви любимых,
и деревья внизу и лед на вершинах,
и моря с реками, даль,
где конца нет воде,
и пристань.
А ночью Луна,
она всегда мне так близко,
и просторы Земли,
по которым
не удалось пройти,
но пройду.
Я всегда теперь только с тобою.
А кто ты?
Я откуда знаю?
Ты в мечтах,
которыми я давно не мечтаю,
а живу как
птица в стае.
Мне б лететь и лететь
всё дальше,
оставив края родные,
а сердце пусть щемит устало.
Ностальгия...
О, ностальгия!
И по кругу Земли назад,
через время,
с большой семьёю
я вернусь
ещё не раз.

Ностальгия
щемящей болью...
И любовь, что превыше всего,
и любовь, что не знает
упадка,
нет начала и конца у нее.
Есть любовь.
Это и есть мир
бесконечно тайный.
Я летел бы опять
туда, где не был
и буду точно,
но сегодня — моя земля,
а завтра — бесконечный космос.
Грусть потери,
не есть лишь грусть.
это детская скорость утраты,
а летящему всё вверх и вверх,
слезы счастья,
лишь слезы счастья...

24.02.2013.

Лунной сонатой —
Бетховен ночью.
Я страдаю с ним вместе,
каясь.
И любовь, что
зовет нас в Лотос,
заросли цветов без края.
И кто первый?
Я или звуки
беспрерывных мелодий сонаты?
Нет, конечно же, —
маэстро лучше.
Он увидел
всё в ночи иначе.
Я учусь у него сегодня,
я рвусь в Лотос цветов без края —
там Любовь,
что конца не имеет,
и луна, и луна,
что нас не жалеет...

24.02.2013.

И даже прах любой,
как в жерновах,
перетирается часами
и смешиваясь с землей, водой,
песками,
растворяется меж нами.
О время, время,
так и не изученное нами
и непонятное
ни днями, ни часами,
ни смыслом, целью
на Земле,
а лишь календарями
с моделями и модными вещами
отсчета лет.
О нет!
Смысла здесь нет.
Единственное, что открыто —
оно не с нами.
Время всегда лишь против нас.
Бегущий час.
И время каждого из нас
не видит и не ймет
соседский глаз.
И память тоже
не собрать нам про запас.
Она как прах
уходит, оставляя нас.
И слава с нею тоже
так.
Время, слава, память —
один ветряк,
что только вертится по кругу.
Потрескивают крылья
от нагрузок,
а ветер крутит
не жалея сил.

По кругу всё,
и славу с памятью —
туда же, в жернова,
и в прах, и навсегда.
И остаются лишь дела.
Их время держит цепко,
как будто бы застыв,
и сеткой арматурной
и бетоном
фиксирует события.
Законом стали многие дела.
А время, бег его в часах
и календарь —
то видимая часть.
Все остальное скрыто
на будущий наш час.
Ветряк.
Крылья старые из дерева скрипят,
но ветер крутит их
по кругу всякий час,
стирая в жерновах
не только прах.
Там есть зерно...

26.02.2013.

Время, время.
Одному не хватает,
у другого избыток.
Тот, кто в каменном мешке тюрьмы
или за крепким забором зоны,
готов года эти отдать, и сверх их,
в счет жизни
за свою свободу.
Кто спешит, бежит, страдает:
— О время!
Как тебя мне не хватает!
Ещё б чуть-чуть...
Успеть. Закончить.
А кто-то ждёт любви
и встречи,
и эти часы, минуты, что
разделяют их —
они не вместе, —
и все готовы подарить,
и день сменить на миг.
О время, время!
Торопить, спешить.
Остановить.
Так я хочу
и хочет много.
Остановить его движение
кто же сможет?
Куда оно несёт людей,
куда оно спешит?
Секунда стала — день,
вот был бы праздник на Земле!
А кто в тюрьме —
пересчитать,
и срок скостить в сто раз!
Смешно.
По детски.

Не смешно
для меня этой весной —
я много думать начал...
И что покой?
В нём скуки несусветной паутина.
Мне время взад крутить.
Желание мое строптиво.

26.02.2013.

И вновь война...
Пока лишь снится мне.
Колонны танков, бронетранспортеров,
беспрерывно по шоссе.
И на восток опять.
Соляры чад
и черный дым
под неба потолок
ужасом черных смрадных туч.
И оккупанты
с новыми законами
все.
Вот,
добрые и милые для нас —
несут культуру, новые
стандарты жизни,
и все в любви, с улыбкой на устах...
А в душе моей, вдруг, страх,
покорность и беда.
Сопротивления армаде нет,
и будет ли?
Кто и когда?
Они зашли,
хоть их не звали.
И дать отпор
некому уже здесь
на территории страны,
что потеряла свое лицо,
свою мораль.
Страна осталась
с редкими людьми.
Все здесь воровали,
и бежали как могли
туда, откуда эти танки,
откуда гарь солярки.

По лугу, родному с детства,
дым черный стелится
к селу.
Не легче...
И вышиванные сорочки
одел спаситель,
и милый, добрый, тихий.
А танки всё колонной по шоссе
и чад соляры на восток,
и на восток...

27.02.2013.

Всегда втроем —
Ирина, Мария и Симон.
Дорогой Бога,
что водой живой
несет Его слова домой.
А в доме круговерть Любви.
Дети играют,
веселые.
Спеши и ты, Ирина,
пока не дал
Отец небесный им крылья
и не улетят они
под песни,
что будут грустные порой.
Они уйдут по жизни
в новый,
свой уже, родной дом,
и будут снова дети-малыши,
и будет смех и радость от души.
Но сохранить вам нужно
тот поток воды живой,
что дал вам Бог Христос.
Порой в заботах
Слово остается где-то там,
под синим небом,
но Словам этой воды живой
место лишь в сердце
вашем —
это хлеб жизни.
Без него — ни шаг вперед,
ни просто движение ногой.
Без хлеба свыше
не построить дом,
и не достичь высот,
что рядом здесь горой.

Хлеб жизни — Бог,
Его слова —
вот всё, что нужно взять
с собою в путь.
Ира-мама, помни!
Ты собрала?

27.02.2013.

Політичні вечорниці
кожен вечір.
Ніде дітись
тим політикам в країні,
що збирають телекухонні візії
і штовхають нам
слова
без кінця.
Одна блотва іншу щиро
так паплюжить,
інша другу тре, утюжить.
І цим брудом
з вінегрету,
що вже років йому з десять,
та не десять, —
а всі двадцять, —
хочуть нас нагодувати.
І, буває, піддаємось,
потім травлення нікчемне,
горе всім, болить
голова та серце.
Мить —
померло трохи люду
в телевізії від бруду.
Трохи випили горілки,
стало краще,
а немитії тарілки
нам покажуть завтра,
й простирадла брудні теж.
Досить!
Я кричу собі в пітьмі
політичної брехні.
Досить!
Я продам усе що зможу,
і вступлю в якусь там ложу,
щоб звести себе
із глузду,

бо так жити
в цьому блуді
слів, слівець
уже несила.
Ось острівець,
де наче чисто —
йде реклама,
але знову пан та пані
лізуть в душу, серце крають,
і так гарнесенько співають
про калину, Україну,
про рушник,
що я покинув,
про щасливе майбуття.
От їм трясця!
От брехня!
Ми живемо на стіні,
де скрізь биті бутелі,
перегаром тхне любові,
нам би радість з бабою та на полові.
Та полова *нынче рай,*
всё полова, ты, считай,
отдана любви России.
Що ж лишилось?
Тільки шиї,
на які ще можна
повісити
Аттаможенный союз.
Атаманство в моде вдруг.
И веревку всем в подряд,
кто так не хочет
поплясать.
Так там думает Володя,
но не тот, что дядя Ленин,
а другой,
что каруселит
Русью тоже двадцать лет.
Всех тошнит, а что им делать?

*Ленин — его предок,
и портрет остался,
и Мавзолей с идеей,
что разрушил
этот же народ —
пучит от всего его сто лет.*
— А нам правди, трохи правди
з телевізії,
а грати ми готові
самі почепити,
правда, мамо?
— Тихо, діти...

27.02.2013.

Русский шовинист
после сна на берегу
продрал глаза,
поднял свою балду,
на ноги крепко встал,
и увидел тень свою в пруду,
разъярённый закричал:
— Хахол?! Казах?!
Ану-ка все, вылазь!
Но не полез никто.
Щовинист схватил своё пальто
с медалью Пушкина,
что вчера лишь получил
за могучий русский
свой язык
и бросился всех в пруду накрыть
людей, в натуре.
И вылез в тине
с русским матом,
где слов из языка
одно, а, может, два.
Глядь, и медаль ушла,
сорвалась из пальто,
или пальта?
— Как правильно?
Скажи, Лука,
я русский, а
не знаю как.
Лука поднялся тоже,
встал на ноги,
протер свою медаль
от водки,
что пролил вчера,
и тоже начал крыть
всех матом:

и Украину, Казахстан, поляков.
За что ж медали дали?
Они ведь русского
не знают.
Их русский — это
кастрюли из алюминия
в симфонии оркестра.
Их русский —
это Бах, что слушали
в СССР по туалетах,
чтоб увеличить
надои молока.
Скажи-ка, Пидрахуй.
— Ага! Скажу:
я русский вторым в
Украине скоро введу,
чтоб рядом с Пушкинской
медалью
орден висел
“Настоящею пацану”.
Введут скоро такой
для урок причандал,
и вешать будет
вновь какой-то
их придурок,
чтоб в оппозиции
никто и не пищал.
А русский шовинист
в злобе
крыл матом Кремль
и Мавзолей,
и газ, и нефть в трубе,
и всех, и вся
по миру.
Он — шовинист,
тупой и грязный,

а Пушкина медаль
то лишь для понта и блезиру.
Им что Пушкин,
что коровы вымя.
Им все равно.
Был бы газ,
а из-за него
и вся Россия...

27.02.2013.

В Аттаможенный Союз
мчится поезд-литер
“Новый путь”.
За воротами как зона:
горы грязи, металлолома,
путь скорежен, рельсы смяты —
новые не собирались ставить
в дали, что зовут
за свет из света.
Черного здесь свет цвета,
и стоит царь возвеличен —
это тьма.
Ты скажи нам, царь двуликий,
чего рычишь ты, как кобель
после весны?
Ты власть нечистых?
Не грехи
против грешного народа,
что задумал вновь,
подводой, в атомвек
заехать резво.
Ты скажи,
что за железо?
Это для мартенов в печи.
Собирали все на свете
по заводам, новостройкам,
разбирали и коровник,
чтобы было на что жить,
выпить, трахнуть, закусить.
И металл этот остался,
ржавой кучей заваялся,
лет на сто его здесь плавить.

А Союз же кто возглавит?
Он возглавлен, и надежно, —
там чекисты, ложи, ножны.
Сабель нет.
Их поизъяли,
чтоб впустую не махали
и не срезали кому-то
голову
иль не срубили пута.
Пута всем оденут здесь,
как тот номер, что писец,
код на лоб или на шею —
идентификация артелей.
Всё здесь будет по артелям,
по колхозам и комбедам.
Власть комбедов
выше всех,
бедные возьмут здесь верх.
В этой куче из металла
им работать для начала,
плавить рельсы, шпалы резать,
строить путь
как БАМ —
отрезать мир от всех богатств
земли.
Наша цель — не соловьи,
не синица, не журавль,
наша цель, чтоб мир пожрал,
как жрали по комбедам,
нам сравнять всю землю хлебом,
чтоб по равному для всех.
Коммунизм?
Да нет!

Новая эпоха скоро.
Черти будут под забором
каждым,
дорогим и крепостильным,
будут там как псы.
Но гривны, доллары, рубли
заберут себе,
а ты, богатый и всесильный,
будешь вновь в комбеде
в длинной очереди сзади
за бумажкой в продотряды,
на границу, в поле сеять,
в шахту — уголь добывать,
что-то делать
для страны, ведь обещал.
Черт тебя уже забрал.
Открутиться, откупиться —
не получится.
И биться будут многие в припадках
горя, ярости,
“нащадки”, бишь потомки
тоже будут здесь с котомкой.
Вот таков наш новый мир.
А начнем мы скоро.
Вот уже антихрист на самокате
прикатил
с чемоданом и диваном,
шкафом, лестницей,
коврами, и кастрюли,
и посуда,
скатерть в пятнах крови
от Иуды.

Так красиво зазывал,
ласково дарил, давал,
щебетал и награждал.
А приехал то с вещами,
видать надолго,
и никому здесь даже руку не подал...
То кто же здесь
править будет?
Кто же царь?..

27.02.2013.

В Междунорье и в Крыму
строили для главковерха
бункера в глубину
по сто пять метров,
а в Карпатах —
на все двести.
Там ведь горы,
и невесть что —
поселенцы могут
выкинуть коленце.
А потом везде вlepили
противоракетные мудрилы
боевые вертолётu, самолеты
и зенитки —
очень много там их вышло,
так що ніде й сісти
перехожому, мисливцю,
що гриби збирає тільки;
чи рибалка,
чи коханиці:
— Вон отсюда,
вы, засранцы!
Здесь лицо номер один!
Господа, закройте рот,
а не то — ракетой
хлоп!
И шашлык из журналиста,
корм для рыб,
что съедят всё чисто.
Страшно стало
наверху,
трон в какашках.
— *Я біжу, — сказав*
їх генерал
гер Плоховський.

И сбежал
чуть подальше от
фунт лиха.
Вдруг и стрельнет
кто-то тихо
из ракеты
да на трон.
Ну, какой-то эскадрон,
что напился и сорвался,
или жизнь его по яйца,
или более, достала.
*Я сиджу, і їм це сало,
що завезли з Аргентини.
Сало — швах.
Не наші свині.
І не свіже,
не м'яке,
якесь слизьке, як оте...*
И в пике уйдет, сорвавшись,
буйный летчик.
Мой товарищ
тоже бросил раз машину
на жену и тестя,
в спину.
*Що ти мелеш?
То не так.
Та машина, то не танк,
і не в спину,
а під попу,
бо та жінка була збоку
від любові та пошани
свого вірного.*
— Отставить!
Раздаются здесь команды.

В Междунорье как заставы
и граница в государстве
резиденций и засранцев,
что живут
в стране изгоев.
Не снимают страх уже
заборы.
Ё-моё! А я так строил
и страну, и корабли,
что летели от Земли,
и Турксиб, и, бля, Магнитку,
строил армию,
что сшибла на полмира
кумачем
многих резвых.
Не при чем сегодня я.
Возраст, армия,
фигня!
Не возьмут.
А я пошел бы
в истребители,
сжечь отстойник,
что создали по стране.
Сколько их
плывут в дерьме...
— Милий, тут щось тхне
недобре...
— Потерпи, моя хоробра.
Перетнемо океан,
там вже буде добре нам.
— Так це ж море,
при столиці,
ось Міжніжжя,
тут живе наш вождь найвищий.
Не туди ми запливли,
ще нас бахнуть тут!

— Та ні.
Я ж мужчина.
То ж тебе
можуть бахнути.
Ги-ги-ги...
А в лесу, неподалеку,
партизаны строят роту.
Первую пока по счету...

03.02.2013.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Шел 1977 год. Я был молод, женат, имел дочь. Как молодой специалист я состоял, как было принято выражаться, на квартирном учёте и, одновременно, на кооперативном. Очередь в кооперативном строительстве двигалась немножго быстрее, и вот в уже заселенном доме появилась двухкомнатная квартира. Я был первым на очереди. Но по закону все жильцы этого кооперативного дома должны были проголосовать за выделение мне этой квартиры на общем собрании жильцов дома. Квартир в доме было семьдесят. Но вдруг, как чёрт из табакерки, выскочила молодая семья, которая только становилась на квартучёт и тоже подала заявление председателю кооператива. Заявление было принято, и мне сказали, что как проголосуют жильцы, то есть за кого отдадут больше голосов, тот и получит эту квартиру. Две проходные комнаты по четырнадцать метров каждая и кухня площадью шесть метров. Я начал встречаться с жильцами, они обещали голосовать за меня, но, безусловно, не все, а кто не мог быть на собрании, писали мне расписки, что они голосуют за меня. Так было по ЗАКОНУ.

У меня собралось около двадцати расписок.

Я был юн. Любил свой огромный Советский Союз, его мощь, в том числе военную. Любил Ленина и всех вождей революции.

Переживал за всех людей в мире, которые жили при капитализме. Мне было жаль их, нищих, голодных и беззащитных.

И вот началось собрание.

После выступления председателя кооператива “Музыкант” начался невероятный шум и гам. Орали все на всех.

Я понял, что я попал.

Я вышел в коридор и лез на стенку в полном смысле слова.

Я не видел никогда подобных собраний, глупости их необходимости, дури законов.

Когда я при голосовании дал расписки председателю, он их спрятал в карман без стыда.

Квартиру мне дали.

Но этот шок не покидал меня.

Я потерял молодость.

Я потерял любовь к своей стране. И, раскрыв широко глаза, начал изучать ее глубоко, вникая во все, где только можно.

Через год я стал антисоветчиком, и говорил маме, что скоро будет революция, мы разрушим СССР, он будет уничтожен, ибо жизнь здесь не для людей. Это — антистрана, антимир, дурь на дури, плюс идеология марксизма-ленинизма, которую никто не читал и толком не знал, что это такое. Понимали, что главное — это поклонение этой идеологии и ее лидерам.

Идолы на болотах и топиях маразма.

Я был не один.

Страна в 1991 году, спустя 13 лет после моего прозрения, рухнула навсегда.

А потом был новый мир. Глоток свободы, демократии.

Но люди, особенно те, кто пришел, остался или купил власть, были насквозь советскими. И эта совдепия, наложившись на либеральную систему капитализма, превратилась в кооператив бандитизма и глобального несчитания человека человеком. Человек здесь — электорат и налогоплательщик для тощего бюджета.

Человек — это проблема. Он хочет есть и где-то жить, а еще говорит о каких то правах и что-то вякает.

Система красных кхмерофеодалов разделивших территорию между организованными преступными группами-кланами.

Выборы стали фикцией.

Демократия — вывеской, как вывеска на магазине, а власть — неподотчетная никому.

Меня жизнь сталкивала не раз с КГБ и МВД. Это были иезуиты-извращенцы, цель которых была сломать и запугать человека и подписать его в агенты-стукачи, уничтожив морально.

Забрав у него честь, совесть.

И те вчерашние миллионы стукачей сегодня власть, бизнес и идеология свободы.

Аменты стали еще страшнее. Деньги, жестокость, садизм — вот их нутро.

Прокуроры с инквизиции советской перешли в инквизицию капиталистичко-кхмерскую. Красно-сине-буро-малиновую.

Конца не видно.

И не имеет значения, в какой Союз влезем — Европейский или Отаможенный (смешное название и дурацкое, не правдв ли?).

Мы идем по краю.

И терпение Бога на пределе.

Всё сбудется опять по-плану. Но уже другому.

Поход в храм со свечкой и плотно сжатыми губами кающегося и страдающего — не пройдёт.

А что делать?

Вечный вопрос.

Ответ один. На коленях, ползком, стирая кожу в кровь и в слезах раскаяния и покаяния за последние хотя-бы сто лет, к Богу.

Время пошло...

P.S.

Мама умоляла меня когда-то не говорить на антисоветские темы. В 1932 году дедушку (её отца) арестовали как “врага народа”, но он сбежал из НКВД и девять лет прятался под другими фамилиями вдали от семьи. А два года сотрудники НКВД приходили к ним домой как на работу и пытали всю семью. Намотав волосы бабушки на руку, ее били головой о стенку, после потери сознания, облив водой, приведя в сознание, начинали сначала.

Через два года ее, молодую и красивую, похоронили.

А дедушка вернулся в 1941 году домой, после оккупации немцами Киева. Он работал на подполье, работая у немцев. Спас десятки евреев и людей других национально-

стей. Одна из молодых евреек отказалась переселиться по подложным документам и осталась в соседнем доме. Вышла за него замуж и родила дочь.

В 1943 году НКВД, учитывая заслуги “врага народа” перед страной, прекратили террор дедушки и его семьи.

Но через несколько десятков лет этот террор начал переносить и я, занявшись бизнесом. Власть бандитов требовала взять их крышей. А когда их “крышевание” зашло далеко, я начал закрывать бизнес. Последнюю фирму они забрали летом 2012 года: под сотню бандитов забрали всё.

И слава Богу!

Значит, будет новая революция.

Потому что свобода здесь плохо пахнет, а свобода только условно правящая верхушка и антисоциальные поселенцы (алкоголики, бомжи, наркоманы). Они государство устраивают. Они безъязыкие.

07.02.2013.

Содержание

Постичь человека... <i>М.Малюк</i>	5
“Власть терриконовой партии...”	9
“Струмок із гір...”	11
“Бог дал человеку свободу выбора...”	13
“С криком, шумом, гамом...”	15
НОВОГОДНЕЕ ЧУДО	17
“Річка синіми хвилями...”	20
“Крохи от крох...”	21
“Страна задыхается...”	24
“Дорога...”	26
“Мария с Симоном...”	28
“По земле покрытой...”	30
“Скоро новый праздник...”	32
“Юля бьется птицей в стенах...”	35
“Моим стихам...”	37
“Я, как солдат, встаю...”	39
“Пробиваясь сквозь...”	42
“Поезд. Вагон...”	43
“Я низко голову схиляю...”	44
“Під хлівом біля клуні...”	45
“И снова женщина ворвалась...”	47
“Пули-слова пробивают...”	50
“На политической свалке...”	53
“Мерзость запустения...”	55
“Парк под летнею луною...”	57
“Я по весне...”	59
“Отблестела краска на фасаде...”	61
“Мы граждане одной шестой...”	63
“Партия новая к власти пришла...”	65
“В ней нет конца...”	67
“Мир накрахмаленный...”	70
“Мы победим...”	72
“Раздайте наганы...”	74
“Змеи...”	76
“Храма старинного...”	77
“Слава при жизни...”	79
“По автострадам...”	81
“Бездомные дети...”	84
“Сегодня церковь...”	87
“Желание чуда веры...”	88
“Летают птицы, летают...”	90
“Нежность любви сверхвысокой...”	91
“Взрослые дяди...”	93
“Трупы, трупы по Донбассу...”	95
“Партии и лидеры...”	97
“А мы то думали, что есть...”	100
“Я свободен...”	102
“Белые острова...”	104
“Абсолютизация абсурдизации...”	106
“Із зарозумлених мізків...”	109
“Может быть не нужно было...”	111
“Я когда-то мечтал, что меня...”	113
“Газ, газ, газ...”	116

“И снова беспокойно...”	118
“День проходил как-то ...”	122
“Горячка белая-белая...”	125
“Господа правители...”	127
“На частной лесопилке...”	129
“Алчность не появилась в нас...”	131
“В предвесенний вечер...”	134
“Монастырские леса...”	136
“Печь дышит жаром...”	139
“Осінь холодом, росой...”	142
КАЛЕЙДОСКОП ЦЕЛЕЙ	144
“Одна крайность на другую сменяется...”	150
“Ресторан придорожный...”	152
“— Демократия...”	154
“Телевизор я включил...”	156
“Отец...”	158
“Ты ушел утром ранним...”	158
“Тоска на много километров...”	160
“Я всю жизнь...”	162
“Птица парила...”	163
“Обожженное небо пустыни...”	164
“Всё прожитое...”	166
“Убывающая страна...”	168
“Больно рвется рваная боль...”	170
“Ровные линии...”	172
“Незаметно сплывают секунды...”	174
“Чужая смерть...”	176
“Сумерки пятнами...”	178
“Буря...”	180
“Вспышка пламени огня...”	182
“Собрал антихрист как-то в ночь...”	184
“Наша родная украинская ...”	186
“Пока Юля вновь...”	188
КРАТКИЙ КУРС БИОГРАФИИ МЭРА ЧЕРТОВЕЦКОГО	190
“Полфевраля и снова — весна...”	200
“Как-то старый капитан...”	202
“В новолуние...”	205
“Побитое насквозь...”	207
“Крылья птиц любимых...”	209
“А я ухожу из тумана звезды...”	211
“Мне не хочется покоя...”	213
“В лугах, что с проседью...”	215
“По двору бежит картина...”	217
“Под вытертым моим диваном...”	219
“Слава Богу, путь мой долог...”	221
“Сегодня мне неба голубой квадрат...”	223
“Будет всё мне...”	225
“Лунной сонатой...”	227
“И даже прах любой...”	228
“Время, время...”	230
“И вновь война...”	232
“Всегда втроем...”	234
“Політичні вечорниці...”	236
“Русский шовинист...”	239
“В Аттаможенный Союз...”	242
“В Междунорье и в Крыму...”	246
Послесловие	250

Літературно-художнє видання

Можаровський А.І.

М75 Зоряний вітер. *Поезії*. — К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2013. — 256 с.

ISBN

В поезії Анатолія Можаровського гротеск, фарс, біблійні ремінісценції — влучно підібраний інструментарій, за допомогою якого оприявлено безпросвітний світ тотальної фальші, падіння, світ, де панують тупість і сірість.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 19.03.2013.
Формат 60х100 1/16. Зам.
Ум.друк.арк. 16.0.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43
Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.